

Андрей Болотов

Письма о красотах природы

Андрей Тимофеевич Болотов

Письма о красотах природы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7891177

Аннотация

«...Вот наконец исполняю я данное тебе Слово и приступаю к писанию к тебе тех писем, о которых просил ты меня с толиким усердием и которые читать тебе с толиким возжелением хотелось. Я не знаю, не обманешься ли ты в своем ожидании и будешь ли иметь от них такую пользу и увеселение, какое ты ожидаешь и какое иметь [от меня] ты ласкал себя до сего времени надеждою. Но как бы то ни было по крайней мере исполню я тот долг, которым меня любовь и дружество мое к тебе обязует, и употреблю все, что состоит только в моих силах и возможностях к удовлетворению твоего желания и просьбы и произведению тебе ожидаемой пользы. Что нужды, хотя бы не удалось мне в том совершенно пожеланию. От первого опыта дального и ожидать неможно...»

Содержание

Письмо 1	4
Письмо 2	16
Письмо 3	32
Письмо 4	45
Письмо 5	59
Письмо 6	73
Письмо 7	88
Словарь устаревших слов	103

Болотов Андрей Тимофеевич

Письма о красотах природы

Письмо 1

Любезный друг!

Вот наконец исполняю я данное тебе Слово и приступаю к писанию к тебе тех писем, о которых просил ты меня с толиким усердием и которые читать тебе с толиким возжелением хотелось. Я не знаю, не обманешься ли ты в своем ожидании и будешь ли иметь от них такую пользу и увеселение, какое ты ожидаешь и какое иметь [от меня] ты ласкал себя до сего времени надеждою. Но как бы то ни было по крайней мере исполню я тот долг, которым меня любовь и дружество мое к тебе обязует, и употреблю все, что состоит только в моих силах и возможностях к удовлетворению твоего желания и просьбы и произведению тебе ожидаемой пользы. Что нужды, хотя бы не удалось мне в том совершенно пожеланию. От первого опыта дального и ожидать невозможно.

Словом, вы требовали и хотели того неотменно, любезный друг! Чтоб я вам от времени до времени писал письма, содержащие в себе единую материю о красоте природы или

паче о искусстве увеселяться оною и всем устроением естества, а притом располагал бы оные так, чтоб могли они вам сколько-нибудь служить и руководством в сем полезном искусстве. Я обещал вам сие сделать, и как теперь уже то время приближается, в которое Любителю природы можно уже начинать упражняться в сем Искусстве, то положил обещание свое исполнить.

Я думаю, что у вас так же, как и у нас, начались уже теперь ПЕРВЫЕ ТАЛИ. Сей пункт времени составляет эпоху, с которой начинается уже первый из тех разных периодов времени, на которые любитель природы разделяет все годовое течение оною и из которых каждый в состоянии доставлять ему множество разных и особых увеселений. Он не упускает оною, и хотя первый период сей далеко еще не таков изобилен увеселительными предметами, как прочие за ним последующие, и на видимой поверхности Зеленой не произошло еще никаких важных перемен. Но они в сие уже время старается изыскивать в натуре все то, что только его некоторым образом веселить сможет, и недостаток чувственных увеселений награждает уже душевными и мысленными.

Красные дни и теплейший воздух, нежели каков был во время проходящей теперь уже зимы, и отменная ясность и чистота небесного лазуревго свода, видимая нами около сего времени, привлекает первое его к себе внимание. Он смотрит на оною с некакими особыми уже чувствами и веселится и одним помышлением уже, что весна близка и ско-

ро начнется. Ему кажется, что и самое Солнце как-то светлее и яснее светит, нежели в зимнее время. В самом цвете неба находит он нечто похожее на вешний и летний его вид и нечто в особенности приятное, хотя такое, что он изобразить не может. Самые облака кажутся ему более приятнее и веселее обыкновенного. Словом, весь воздух и вся Атмосфера кажутся ему в ином и приятнейшем виде, и сердце подымается и власно, как некаким нектаром, напояется у него при зрении и на единое небо, и облака его испещряются.

Обращая далее зрение свое на землю и на ближние лежащие оному предметы, с каким удовольствием смотрит он на капли, каплющие со всех кровель, и на воду, инде целыми ручейками текущую с оных. «Вот уже началась таль! – вещает он сам себе. – Вот началась первая предвестница весны прекрасной! И лучи солнца престали уже только освещать поверхность земную, как делали они то во все зимнее время, начинают понемногу опять те благотворительные свои действия, которые толико пользе человеческому роду производят. За сим первым действием их скоро последуют и другие и несравненно их важнейшие. Скоро увижу я не одни кровли, скидывающие с себя белую зимнюю одежду и воспринимающие свой цвет натуральный, скоро и самые поля сии, видимые в дали и оком необозреваемые белые плоскости воспримут наподобие <...> испещренный вид, а вскоре засим и они в новую свою торжественную одежду облекутся! Несколько недель остается мне уже только подождать, как

глаза мои будут опять любоваться тою милою и прекрасною зеленью, которая только утешительна для нас в первое внешнее время и на которую мы никогда довольно насытиться не можем».

«Вот! – говорит он далее. – Снег и не на одних кровлях, но и везде начинает уже таять! Вот всю поверхность его лучи солнца так уже нацепляли и переработали, что она и не походит на ту, какая была прежде. С каждым днем оседает она отчасу ниже, и с каждым днем миллионы снежинок, лежащих наверху, превратившись в капельки водяные и восприняв свой естественный вид, уходят в недры исподнего Снега и там мало-помалу, сообщаясь друг с другом, готовятся к предприятию своего дальнего путешествия и к переселению себя отсюда в пределы отдаленные.

Вот уже и дороги, скрипевшие до сего под тягостию ездивших по ним саней, совсем уже иной вид восприняли. Вон там, на отдаленном отсюда поле, неприметно было ни единой, а теперь вижу я их уже явственно. Они побурели уже от обтаявшего на них навоза и лишились своего прежнего белого колера. А здесь вот совсем они уже сделались кофейными, и блестит уже на них неясный лоск утертого полозьями снега, но маленькие уже лужицы и полоски воды, натаявших от солнца.

А вот-вот расхаживают уже на них и ГРАЧИ, сии из дальних стран прилетевшие к нам первые внешние пернатые Гости. Натура повелела им быть первыми предвозвестниками

приближающейся весны и власно, как герольдами той великой Революции, которая вскоре воспоследовав имеет во всей натуре. С какую ревностью ищут они разных зернушков в оголившемся на дорогах навозе и с какую охотою проглатывают, находя оные. Для них и самая сия гнусная и презренная пища служит уже сладчайшим конфектом. Голод и неимение еще лучшей услаждает им и сию негодную еству». Любитель природы смотрит с удовольствием на сии упражнения сих птиц, углубляется об них в дальнейшие помышления и сам в себе вещать продолжает:

«Дивиться истинно надобно сим пернатым Тварям! Всякий год они к нам пред наступлением весны прилетают всякую весну, видим мы у себя их устрояющих свои Гнезды, выводящих и воспитывающих детей своих, живущих с нами во все лето и наконец осенью от нас отлетающих. Но никто не знает, откуда и из каких стран прилетают они к нам и в какие страны улетают опять. Мы не видим даже и того, как и в которое точно время и отлетают они от нас. Единое точно то приметно бывает нам осенью, что они собираются кое-где на полях в небольшие ватаги и кучи. Но чтоб летело их где целое и превеликое стадо, того никому почти видеть не случилось. Все известное об них состоит только в том, что они вдруг у нас пропадают, и никому неизвестно, куда они подеваются. А и самое прилетание их в нынешнее время не менее удивительно. В одно время и везде появляются они у нас, и, судя по пространству отечества нашего, можно за

верное полагать, что их проявляется вдруг несколько сот тысяч или паче миллионов, ибо везде и по всем местам усматриваем мы и вдруг рассеянных в равном количестве. Но никто и никогда еще не видал, чтобы летело их где целое стадо, из нескольких сот или нескольких тысяч состоящее!»

Мысли о сем рождают в любителе природы другие и дальнейшие к тому же предмету относящиеся. Он с удовольствием углубляется в них и паки сам себе вещает тако.

Но пускай отлетают они и прилетают неизвестным и неприметным нам образом. Но не такова же ли удивления достойно и то обстоятельство, что никогда не видим мы числа их, слишком приумножившегося. Всякую весну строят они у нас себе гнезда, всякую весну несут яйца и всякий год выводят и воспитывают множество себе детей, так что они множеством детей своих иным селениям до крайности надоедают, и к осени количество их умножается раз в десять более против прежнего. Но со всем тем в последующую затем весну прилетает их не более, сколько прилетало прежде. Нигде неприметно, чтоб прилетали они когда-нибудь гораздо в множайшем количестве, кроме тех немногих селений, где в особенности полюбят и изберут они место для житья своего. Куда ж деваются все прочее множество их и где девают они толь многих детей своих? Что б было, если б все те опять к нам прилетали, которые от нас отлетают, и все они гнезда у нас вить, а также детей выводить и размножать всякий год начали? Какому множеству надлежало уже быть оных? Ни-

кто у нас их не бьет и не стреляют. Никому они и ни на что не надобны и никто почти не мешает им размножаться. И так в немногие годы число их не умножалось, так что всех рощей наших было б мало для помещения, а всех наших хлебных полей для прокормления оных. Все поля наши они опустошали б и не оставили б ни единого снопа соломы нам для пропитания. Со всем тем сего не бывает, что напротив того число их слишком не умножается. Что иное изъясняет сие как не новую и такую черту Премудрости устроителя природы, которой разумному человеку довольно надивиться невозможно.

Птицы сии хотя нам ни к чему не надобны, но произведены и [в] Системе мира находятся, верно, не по-пустому. Без всякого сумления производят они какую-нибудь важную пользу, и польза сия потому только нам неизвестна, что не для нас назначена... Почему знать, может быть, есть целые земли, целые острова негде в отдаленных пределах земного шара, где нужны для пропитания многих тысяч людей и таких же Созданий, как мы. Может быть, самые сии и презренные нами птицы служат для обитателей стран и островов сих наилучшей и приятнейшей пищей. Может быть, в самые сии места они осенью от нас и отлетают, и попечительная натура туда [в] невинные места им путь столь премудро предназначала, что они оный всегда и без проводников находить могут. Самое время прилетания их туда предназначено, может быть, самое такое, в которое они там всего нужнее и в которое без них тамошним народам питаться было б нечем. Мо-

жет быть, навсегда не остаются они там для того, что им самим себя пропитать бы там нечем было или нет тамо потребных удобностей для них для размножения их рода, и оттого мог бы самый род их истребиться. Для самого того натура, может быть, и предназначила остальным из них и, что удивительнее всего, такому же количеству, как прежде, возвращаться опять в пределы наши и тут производить опять детей, долженствующих некогда таким же образом пропитать другие народы и произвести им пользу.

Все сие хотя от нас сокрыто и нам неизвестно, но весьма вероятно, а с другой стороны, может быть, и самое здешнее пребывание их не совсем без пользы остается. Вскоре, когда видимые вон тамо поля обнажатся и когда хребты оных раздираемы будут орудиями земледельцев, увидим ли мы птиц сих, следующих по стопам за пахущими земледельцами и из борозд подхватывающих червей, которые скрывались до того в недрах поверхности Земли, а тогда сохою припаханой вместе, с глыбами Земли наружу выворачиваемы будут. Почему знать, может быть, черви сии, служащие им наиприятнейшею пищею, произвели б множество вреда нашим хлебам и несравненно более б у нас похитили, нежели сколько сами грачи поедят у нас потом оных. О, таковых и подобных тому других неизвестных нам польз, может быть, производят они множество, и легко статья может, что мы не знали б, что говорить от удивления, если б все оные были нам известны. Таковые и подобные сему размышления занимают

несколько минут любителя природы и производят ту пользу, что оне их птиц сих, толико презираемых всеми, смотреть уже иными глазами. Оне почитают их уже достойными своего внимания и сколь свидетелями и доказательствами чудных и непостижимых распоряжений природы и к ним власно как к разумеющим его Слова вещает. Расхаживайте себе с миром, летайте и живите у нас, гости давно не бывалые! Не буду досадовать я на ваш крик, надоедавший толь многим, и проклинать бытие ваше! Вы, верно, не по-пустому существуете на свете, но производите, может быть, более пользы, нежели сколько я думаю. Питайтесь себе и размножайте род ваш и делайте то, к чему вас натура предназначила. Не хочу никак мешать вам в том, а лучше постараюсь и сам делать то, к чему меня натура и великий устроитель оной назначил, дабы мне пред вами было не постыдно.

Тако вещающего останавливает новое зрелище и новый повод к размышлениям. Он видит престарелого земледельца, ведущего по дороге Лошадь и помешавшего птицам его упражняться далее в их работе. Старик сей от старости едва переступить мог, а бедняжка его лошадь, толико же старостью удрученная, как и он, с нуждою тащила превеликий воз хворосту за собой. Мелкий то был хворост, нарубленный из нового кустарника. Для любителя природы представилось тут новое увеселительное зрелище: все мелкие веточки сего хвороста унижены были сплошь маленькими и наполовину только из шелушинок своих вылупившимися вербинками, име-

ющими лучший вид, нежели жемчуг самый. «Ах! вот уже и верба почти развернулась! – вопиет зритель нарл. – И как прекрасны сии пушинки. Из лучшего фарфора невозможно подделать им подобных! Власно, как из некакого наинежнейшего и гладкого бархата составлены они! Постой, старинушка! – вещает он земледельцу.) – Ссудите меня, мой друг, одним прутиком своего хвороста!» «Изволь, кормилец! – отвечает старец. – Сколько угодно возьми себе, хоть десяток целый!» «И! Нет, дружок! Мне столько не надобно, с меня будет одного, но к чему и ты, старинушка, такой огромный воз нарубил и сих прекрасных маленьких деревцов погубил такое множество?». «Мне они надобны, батюшка, плетнишко на огороде развалился, хотелось починить его, чтоб скотина не валилась». «Да, голубчик мой! Это еще слишком рано! И неужели ты теперь плеть станешь? Это бы успел ты сделать, как и весна откроется?» Улыбнулся старец, сие услышав, и вопрошателю вещал: «Кормилец мой, но тогда лошадке-то недосужно будет. Она землю пахать станет, а теперь недосуг она натаскает как-нибудь, а что запасено, то свято и негребить. Обо всем, батюшка, надобно наперед подумать и погадать, к тому ж и хворост теперешний прочнее, нежели с <...> и в соку». «Разумное дело! – сказал ему наш вопрошатель, – По крайней мере, на что ты сам при такой старости трудишься? Ты бы таки детей своих послал и поручил им сие дело!» «И! кормилец! мои ребятишки делают другие и такие дела, которых я уже не смогу, а это по моей еще силе, так

для чего и мне им не помогать, сколько сил еще есть. Даром хлеб есть никогда я не любил да и не годится никому». «Так так! старинушка! ты правду и разумно говоришь. Ну поезжай, мой друг, себе с богом и приучай и детей своих к такому ж трудолюбию похвальному».

Старик поехал далее, а вопрошатель наш, с удовольствием посмотрев еще вслед за шествующим тихими стопами старцем и помышляя о сказанных им последних словах, сам себе сказал: «Да! недурно б было, если б и мы правилу сего старика последовали и так же бы даром – живут – на свете сем хлеб есть не любили, но что-нибудь полезное в жизнь свою делали, а не провождали большую часть дней своих в сущих безделицах и таких ничтожностях, о которых и упоминать без стыла невозможно».

Сказав сие и пожелав старику прожить еще многае годы, возвращается он с прутиками своими в дом и спешит поставить их на окошке у себя в воду, дабы видеть ближе быть самовидцем и свидетелем тому, как натура станет простирать далее над ними свои действия и в пупушках вербных производить перемены. Тут помещает он их между горшками, содержащими в себе разные произрастения, иностранные и такие, которые не в состоянии были вытерпливать наш надворный холод и всю жестокость зимы здешней, и готовится не с меньшим любопытством и вниманием смотреть и на прутики сии, как и на те редкие и чужие травы и произрастения.

Вскоре после того приближающийся вечер и вся западная

сторона небесного лазуревго свода, облекающаяся в пышную и великолепную багряницу, обращают его к себе внимание. Ведая из опытов колико увеселительные зрелища на вечернее небо спешить он паки наслаждаться оным. Он смотрит опять с некаким особливым удовольствием на великолепное светило дня, приближающееся к пределам горизонта, готовящегося закатиться за отдаленные хребты гор и скрыться от глаз смертных. Видение сие, хотя для него не новое, но никогда ему еще не наскучивало, но всякий раз подавало ему повод к разным увеселительным помышлениям. Он смотрит на оное, углубляется паки в приятные размышления, летает мыслями по всему свету, провождает Солнце зрением своим за горизонт и с удовольствием оканчивает день не втуне препровожденный.

Вот вам, любезный друг! первый и слабый опыт, желаемый вами от меня писем. Признаюсь, что он весьма еще не совершенен. Предметом, которым любителю природы можно заниматься, <...> но в теперешнее время уже так мило, что я не знал, к которому из них наилучше прилепиться, но писал о тех, какие первые повстречались с моими мыслями. Но как вперед будет еще довольно времени и случаев о прочих говорить и тем наградить недостатки письма сего, то прошу вас быть на сей раз довольными и сим обо мне не иначе заключить, как то, что я есмь искренно и нелестно вас любящий ваш друг и прочее.

Письмо 2

Любезный друг!

Как я однажды уже начало учинил писать к вам натурологические письма, то уже нет вам нужды напоминать мне более об них и о продолжении сего начатого дела. Непримину уже я сам о том помышлять, и доказательством тому может служить уже вам теперешнее письмо, толь скоро вслед за посланным первым к вам отправляемое.

Не успел я помянутое письмо к вам отправить, как восхотелось мне уже опять поговорить с вами что-нибудь о натуре; а пощастию мысли, в каких упражнялся я по случаю вчера, и открыли мне к тому вожденной путь и подали повод.

Вчера, любезный друг! по случаю продолжающейся и теплой погоды вышел я опять на крыльцо и, севши на лавочке своей, любовался по-прежнему всеми признаками приближающейся весны приятной. Час от часу умножаются они теперь, и с каждым днем представляется зрению моему нечто новое, давно невиданное и хотя ничего дальнаго не значущее, но дух мой уже увеселяющее. Вдали за несколько дней до сего не видно было ничего, кроме единого снега, белизною своею глаза помрачающего, а теперь на хребтах тамошних возвышений видны уже были кой-где прогалины, и хребты сии высунули уже из-под снега черное чело свое и обнажили Землю, лежавшую толико месяцев под покрывалом

зимним. Здесь, вблизи, утешал меня целой ручеек воды, текущий со двора мимо самого крыльца моего и уходящий под сугроб снега. Некое тонкое и наподобие свода устроенное сограждение из прозрачного и блестящего тонкого льда покрывало в некоторых местах текущую воду. Мороз, бывшей в преследующую ночь, произвел сие тонкое сограждение, но от солнца оно стол же скоро и разрушалось опять. Вверху, над главою моею, хотя и ничего я не видел, но слух мой поражался уже громким пением жаворонка, раздающимся по всему пространству Атмосферы. – Ах! вот и жаворонки уже проявились, возопил я: вот и вы уже здесь, о пташечки дорогие! – и вы! предвозвещаете мне приближение весны прекрасной. Вот и вы уже опять милым пением своим утешаете слух мой! О как приятно поете вы тамо в высотах и как искусно дребезжите голоском и играете крылушками вашими.

Сими и подобными сему другими приметам приближающейся весны веселился я несколько времени, сидючи на помянутом месте, и признаюсь вам, любезный друг, что всегда производят они мне отменное удовольствие, и я могу сказать, что весна веселит меня не только тогда, когда она действительно настанет, но весна задолго еще и до того времени. Я воображаю себе все ее приятности и все то, что в ней хорошего есть, и воображения сии душу мою почти також сладостно, как и тогда, когда увеселяюсь я ею в свое время. А сим образом предварительно веселился я и вчера ею.

Во время сих помышлений о весне между прочими мыс-

лями родились во мне некоторые и о том: коль великие и много различные выгоды проистекают нам от того, что премудрому устройтелю природы угодно было все течение года разделить на 4 известные нам годовые времена и распорядить так, чтоб они непременно порядком друг за другом следовали, а особливо коль многою и особливою благодарностию обязаны мы собственно владельцу Мира, что он соблаговолил назначить нам такие пределы и такие климаты Земного шара для обиталища, где все сии 4 время года почти между собой уравнены. И как мысли о сем легко могут и для вас толико же увеселительными быть, колико были для меня, то сообщу я вам оныя по тому порядку, каким следовали они друг за другом.

Имеем мы, говорил я себе, 4 время года, последующие друг за другом и продолжающиеся по несколько месяцев. Но не достойно ли особенного примечания, что некоторое из них не продолжается у нас так долго, чтоб могло нам слишком уже прискучить. Самая зима хотя и кажется нам несколько длиннейшею пред прочими, но если исключить из ней первое начало оной, принадлежащее более к осени, и теперешнее окончание, принадлежащее некоторым образом уже к весне, то выдут прочти те ж три месяца, поскольку продолжаются и прочие времена года. Но хотя бы она и действительно была несколько длиннее прочих, но можно ли нам сказать, чтоб она прискучивала уже нам слишком, а напротив того, не должны ли мы признаться, что не успеем мы

ею несколько начинать скучать, как уже и начнет вскрываться весна и наступать сие прелестное в году и то время, которое приятности своими с лихвою заменяет уже нам всю скуку претерпенную уже нами в Зимнее время. А не успеет сия наилучшая часть года в глазах наших начать терять свою цену, как тотчас начинается лето, а засим в таковое же время непосредственно наступает богатая осень, приближающая нас наконец толь нечувствительно к Зиме, что мы начинаем и самого сего скучнейшего в Году времени желать пождать с нетерпением.

Но что б было, естли б такого премудрого разделения годовых времен или по крайней мере такого пропорционального между ими уравнения не было? Коликих выгод и коль многих приятностей лишились бы мы из тех, которыми по благодати зиждательной наслаждаемся мы ежегодно ныне? Что б было, естли б единая зима во все течение года или большую часть оног продолжалась? Не стали ли и мы таким же образом прескучнейшею и наибеднейшую жизнь влечь, в каковой препровождают все течение оной обитатели отдаленных северных стран, лишаящиеся инде на несколько месяцев самого солнечного света; провождающие все дни и ночи во Мраке и темноте едино равной, борющиеся ежедневно с жестокими мразами и лишавшимися всех тех бесчисленных выгод, какими мы и во время зимы нашей пользуемся и наслаждаемся! Что б было, если во все течение года или большую часть оног продолжалось и единое лето с па-

лящими своими и несносными жарами? Коль бесчисленных выгод из тех, какими мы ныне наслаждаемся, лишились бы мы и в сем случае? Примеры черных обитателей стран, лежащих под жаркими поясами земного шара, доказывают нам со избытком, что непрерывные жары не менее отяготительны и скучны, как и непрерывные стужи, и что в странах сих жить еще несноснее, нежели в холодных. Какие опустошения в природе производит в сих стужа, такие же или еще вящие производят тамо жары и палящие зной. Единые описания о жизни, какую влечат тамошние дикие и черные народы, наводят на нас уже ужас и производят некое отвращение к оной. Непрерывной весне быть хотя и невозможно, но в случае и таковой не лишились бы мы также бесчисленных выгод и приятностей? Кому не известно, что все вешние предметы, толико нас увеселяющие, пленяют и очаровывают очи и души наши только потому, что они изредка и не всегда, но один толко раз в году нашему зрению представляются. Но что б было, если б самые предметы сии, предметы, о коих единое воображение души наши власно как некаким нектаром услаждает и коих мы теперь ждем и недождемся, представлялись бы непрерывно и всегда и всегда очам нашим? Могли ль бы мы иметь тогда то неописанное удовольствие, какое вскоре иметь мы будем, взирая на произрастающую из земли первую зеленую травку, на прекрасные бархаты, коими поля покроются; на развертывающиеся листки на деревьях; на нежную и приятную зелень вновь одевшегося леса;

на те бесчисленные и разноколерные цветы, коими вскоре украсятся луга и деревья наши и на которые мы довольно насмотреться не можем. Не наскучили ли б они нам очень скоро? Не лишились ли б всех приятностей своих, и не дошло бы скоро до того, что мы на них и смотреть бы не стали? Самые наилучшие и увеселительнейшие предметы потеряли б всю свою цену в глазах наших. А что я теперь о предметах, увеселяющих наше зрение, говорил так, то же самое и о предметах, увеселяющих наш слух и обоняние, сказать можно. Какое удовольствие вскоре слух наш наслаждаться будет, когда леса, роща и сады наши наполнятся маленькими пернатыми обитателями, приводящими разными пениями и голосками своими слух наш иногда в восхищение! Но стали б ли мы ими так утешаться, если б продолжалось сие непрерывно? Не потерял ли б тогда и самой громкий крик Соловья, которой вот скоро уже раздаваться будет по всем лесам и садам нашим всю свою красу и приятность? Не стали б ли мы и оной слушать без всякого удовольствия? А не прискучили б ли также нам и все благоухания, исходящие от трав, деревьев и цветов в вешнее время, если б наполнялся воздух ими непрерывно. Не известно ли, что и самые лутшие ароматы теряют для нас приятность свою, если мы всякий день и непрерывно их обонянием нашим ощущать станем? Слишком весна лишилась бы всех прелестностей и приятностей своих, если б была непрерывная или большую часть года продолжающеюся.

Но при теперешнем толико полезном для нас уравниении всех годовых времян и последствий их друг за другом всего того не бывает: но всякое годовое время сохраняет все свои приятности для нас в полном совершенстве. Всякое имеет свои особые увеселяющие и чувства и душу нашу предметы; и предметы сии никогда нам не наскучивают, но мы ими всякой год вновь и столько ж наслаждаемся, сколько наслаждались прежде. И так не должны ли мы за то благодарить великого устроителя природы и восхвалять имя его за толикую его к нам милость и за то, что он не только о пользах, но и о самых увеселениях наших имел толикое попечение!

В сих и подобных сему размышлениях препроводил я с удовольствием более часа сидючи на своей лавочке. Однако при том одном не осталось, но мысли сии нечувствительно открыли мне новое и обширное поле к размышлениям, не менее приятным и не менее увеселительным.

Я получил повод через то помыслить и о самых причинах, производящих как помянутую перемену годовых времен, так и все то, что в природе тогда при моих глазах происходило. Помыслить и о том, отчего бы собственно то делалось, что тоже Солнце, которое нередко и во все течение Зимы столь же ясно и светло светило, но ничего не действовало, и Снег от него немало не таял, а теперь так много уже пригревает и толикую перемену в снеге производит. Отчего на бегу своем оно час от часу поднимается выше? Отчего восходит и заходит всякой день не в тех местах, где выходило

и заходило за неделю до сего, но со всяким днем и по утру и в вечеру подвигается ближе к Северу. Отчего собственно то делается, что чем выше солнце в полдни поднимается, тем воздух становится у нас теплее? Наконец, чтоб собственно причиною тому было, что у нас весна после зимы делается, а после ей лето, а засим осень и зима последует; и отчего наблюдается во всем том всякой год одинаковой порядок и никогда оной не нарушается и не происходит ни малейшего во всем том беспорядка и замешательства.

Ах, любезный друг! все сии происшествия и обстоятельства от единого только обыкновения и оттого, что мы их часто видим и видеть их привыкли, нами не уважается и нам не в диковинку, в самом же деле достойны они наивеличайшего нашего внимания и рассмотрения. И каждое из них не менее может заставить нас чудиться непостижимой премудрости Зиждителя, употребленной им при устройении природы, и каждое способно заставить нас утопать в глубокомысленных размышлениях и выходить самих из себя от уравниения.

Ибо подумайте, любезный друг! коль многому важному, удивительному и непостижимому надлежало быть в Натуре и системе Мира устроены и происходить единственно для того по-видимому ничего не значущего и не удивляющего обстоятельства. Чтоб Солнце по одному пути не шествовало, но со всяким днем либо поднималось выше, либо опускалось ниже! Коль великой премудрости надлежало употребленной быть при устройении того, чтоб у нас навсегда одинаковое го-

довое время и навсегда одна только весна или зима была, но чтобы сии годовые времена друг за другом последовали, и так порядочно друг друга и толь многие уже тысячи лет сменяли. Пробежим, любезный друг, хоть вскользь мыслями все то, что нам о сем известно, а что сама натура уму смертных о том открыть в последние времена благоволила.

В старину только и в глубочайшую древность и одни только наши праотцы думали, и один только подлой и глупой народ думает ныне, что помянутым образом солнце по небу катается и на сем бегу своем ежедневно поднимается выше или опускается ниже. А ныне известное то дело, и ни один из разумных и просвещенных людей не сомневается уже ни мало в том, что происходит сие не от движения солнца, но от движения нашей земли, и что не солнце бегаёт вокруг нас, но наш Земной шар вокруг оногo. Известное то дело, что солнце стоит непоколебимо в одном месте, а что нам кажется, что оно бегаёт, то происходит оттого, что наш огромный Земной Шар вместе с нами вокруг себя непрерывно вертится и в каждые сутки перевернется один раз, и устроено сие для того, чтоб все бока оногo, и все твари, живущие и находящиеся на поверхности оногo, могли ежедневно освещаемы и обогреваемы быть, и все могли б благотворительными действиями оногo пользоваться. Известное и неповторимое уже то дело, что от самого того делается у нас дни и ночи; от самого того те приятные утры и вечера, которые толико для нас утешительны бывают. И заветное то дело, что мы по

вечерам по одной привычке только говорим, что Солнце садится и закатывается за Горы, холмы и леса, а в самом деле оно не престаёт ни на минуту продолжать свое действие; но в то время, когда скрывается от нашего Зрения, начинает освещать и таким же образом обогревать обращающийся к нему бок Земного Шара и те страны и твари, которые обитают и находятся тамо, и продолжает делать сие во все то время, покуда продолжается у нас ночь и покуда обернется и нам опять наш бок, и таким же образом поутру, оставив их, начнет паки нам благодетельствовать.

Но теперь, прострем, любезный друг, мысли свои далее и подумаем о том, отчего бы собственно земной наш шар сим образом вокруг себя вертелся? Кто приводит его в движение таковое и в движение толико порядочное? Колико сот, колико тысяч лет уже прошло, как началось оное: но со всем тем происходит сие всегда наипорядочнейшим образом, и никогда не примечено в том ни малейшего беспорядка. Колико часов и колико минут должно дню или ночи, в которое-нибудь известное время в году продолжаться, толико и продолжают они всякой год в то время и с такою точностью, что мы можем не только час, но самую ту минуту назначить, в которую Солнце взойти или закатиться в то время должно. Никогда не происходит в том ни малейшей ошибки, и никогда не вздумается Солнцу ни одного часа лишнего над нами или под нами позамедлиться. Но можно ли и произойти в том Ошибки, когда устрояла и распоряжала сие рука всемо-

гущего и премудрого зиждителя и устроила с таким непостижимым искусством, что умы смертных колико ни напрягают свои силы к усмотрению причин, понуждающих Землю продолжать сим образом непрерывное свое круговращение, но со всею своею премудростью не могут усмотреть и проникнуть ни малейшей черты, до сего относящейся, и пункт сей остается и поныне и останется, может быть, навсегда для них совсем неисповедимым и сокровенным.

Но сего еще не довольно, но с мыслью о сем встречается другая, относящаяся до другого, хотя также нам известного и весьма важного, однако по такой же привычке нимало нас не удивляющего обстоятельства, на которое в самом деле не меньшаго удивления нашего достойно, а именно: того обстоятельства, что помянутые дни и ночи бывают у нас только 2 раза в году и то самое короткое время между собою равны, а в прочее время в году видим, мы всегдашнюю между ими неровность и ежедневную прибавку или убавку оных, происходящую, однако, с наблюдением наиточнейшего и толь многие веки всякий год одинакового порядка. Обстоятельство сие нам всем известно. Мы видим оное ежедневно, но никому почти из нас в мысль не приходит подумать о том, отчего бы это так делалось? и что собственно причиною тому было, что наблюдается натурою и в сем случае такой порядок? и в декабре, на примере, не случится никогда таких длинных дней, какие бывают в апреле и мае, а надобно опять быть апрелю или маю для оных.

Единых ученых и старающихся вникать в устройство натуры столько, сколько пределы разума им дозволить могут побудить сей пункт к дальнейшим помышлениям и догадкам. Сии не успели начать о том думать, как стали догадываться и усматривать, что всему сему не можно б никак происходить, если б земля помянутым образом вертелась, стоя на одном месте, но что для сего предписано ей иметь и другое движение и, вертясь вокруг себя, бегать еще по неизмеримому пространству воздуха и в превеликом отдалении вокруг Солнца, бегать всегда по единому пути и бег сей оканчивать всегда единожды в годичное время. Но и от сего одного не произошло б еще таковой удивительной и всегда одинаковой неравности в днях и ночах, но надлежало чтоб оба сии движения были друг другу несообразны и не так происходили, чтоб обращение Земли вокруг себя сообразовывалось с бегом ее в округ солнца, и мысленная Ось, вокруг которой обращается сей шар, наклонялась бы всегда в ту сторону, куда бежит оной, описывая дугообразную черту свою около солнца или, яснее говоря, и сравнив землю с яблоком, имеющим внизу Стебло, а вверху струп от бывшего и засохшего цветка и вертящимся вокруг себя так, чтоб сей струи и стебло были на одном месте и составляли концы оси, бежала б по дороге своей вокруг Солнца всегда поминутным струпом по пути вперед, а стебло имея всегда позади. В сем случае, не только не было б у нас ни весны, ни лета, ни осени, ни зимы, но и всего того удивительного различия в долготе дней и но-

чей, какое мы видим, и что удивительнее всего во всех разных странах и пределах земного шара неодинакового, а многообразного и всякой стране особенного и ей только свойственного. Не было б, говорю я, того, чтоб в иных местах зимою по несколько месяцев продолжалась ночь, а летом по несколько месяцев день непрерывной. Для всего того нужно было другое и такое распоряжение в первом ее движении или обращении вокруг себя, которому мы довольно удивиться не можем, а именно такое, чтоб на пути своем вокруг солнца вертелся б сей шар вокруг себя всегда в одну сторону и нимало никуда не наклоняясь. Словом, чтоб концы Оси его или помянутые, взятые в сравнение, струп и стебло яблока всегда устремлены были в одну, в начале им назначенную страну, нимало не соображаясь с дугообразною чертою, каковою бегают земля вокруг солнца. Сие то странное и удивительное обстоятельство производит все те выше упомянутые разности и неровности дней и ночей на всем Земном шаре, которым мы довольно удивиться не можем. Наконец и сего всего далеко еще недостаточно к тому, чтоб могла происходить у нас перемена в годовых временах. Все сие не в состоянии еще было производить на Земном шаре всегда различную степень теплоты и холода, но к сему потребно было еще другое не менее чудное и не менее удивительное распоряжение. Чтоб происходило и делалось у нас сие и оттого была б у нас весна, лето, осень и зима, угодно было великому устройтелю мира сделать еще нечто особенное, а именно при

помянутом бегании Земли вокруг солнца повелел он ей бегать не всегда от солнца на одинаковое расстояние, но иногда приближаться к нему несколькими миллионами верст ближе, а иногда удаляться от него несколько миллионов верст далее. Одним словом, чтоб она бегом своим описывала черту, не совершенно круглую, а овальную или круглопродолговатую. Распоряжение сие сделано для того, чтоб в первом случае и когда земля приблизится к солнцу ближе, лучи оногo действовали на поверхности земной сильнее и, производя более жара, производили у нас лето, а в последнем и когда удалится она от Солнца далее, лучи оногo действовали слабее, и оттого происходила у нас Зима, а от среднего расстояния оной от солнца имела б весна и осень свое происхождение. Вот причина, отчего в зимнее время солнце и в самые полдни ничего не греет, хотя видим мы его столь же ясно светящим, а в летнее при самом вечере и когда солнце таково ж уже низко, как зимою в полдни. Чувствуешь, однако, от него превеликой еще жар и теплоту, и не доказывает ли все вышеупомянутое, что всему тому, как и самой теперечней нашей Тали, притчиною то, что мы несколькими миллионами верст придвинулись к Солнцу нашему ближе, нежели как находились в минувшие месяцы, нето теперь со всяким днем придвигаемся мы к нему ближе.

Окончим же теперь, любезный друг! все сии рассуждения и помышления тем, чем всегда таковые помышления оканчивать нам должно и надобно, а именно возношением сердец

и прострением душевных очей и мыслей наших к премудрому устроителю натуры и возданием ему хвалы и благодарности за все учиненные им для пользы нашей, а вкуже напомянуть вкратце вышеговоренное. Подивимся еще раз непостижимой его премудрости, с каковою он все сие устроил. Грубейшим невеждою быть надобно тому, кто б вздумал сказать, во всём том нет ничего чудного и удивительного, ибо, умалчивая о прочем, нам нужно только подумать о том, кто и каким образом заставляет толь огромной величины шар, каковой составляет земля наша, иметь упоминаемое выше сего сугубое и толь скорое движение? Кто заставляет его, как легкий шарик, и толикою скоростью летать по воздуху во круг солнца, что в одни сутки оной несколько десятков тысяч верст перелетает? Кто поддерживает такую тягость, каковую наш Земной шар в себе имеет, на толь жидкой стихии, каков есть верхней воздух? Кто предписывает путь ему и заставляет толь точно наблюдать единожды назначенную для бега его черту, что оной никогда ни на один шаг с оной не сбивается и ни в сторону не подается ни вниз и ни вверх не опускается и не поднимается, а и во всем скором беге такую верную наблюдает препорцию, что чрез год возвращается опять точно на то место, где находился за год до того времени. Нужно, говорю, подумать только о сем одном хорошенько, как не будем мы знать, что говорить от удивления, и нам не останется ничего иного, как признать, что все сие суть дела великого нашего Господа, явные доказательства беско-

вечной его премудрости и силы и что дел его разум наш со всею остротою и премудростью своею не в состоянии проникнуть и понять и тысячной доли!

Не будем же, любезный друг, подражать сим грубым невеждам, но, не преставая никогда не удивляться устройению природы и всем делам господним, препроводим дни свои в непрерывной ему хвале и благодарении за все его блага.

Сим окончу я, любезный друг! севоднешнее мое письмо и остаюсь и прочее...

Письмо 3

Любезный друг!

Насилу, насилу дождались мы того столь давно и с толиким вождедением ожидаемого пункта времени, в которой начали площадки на улицах и дворах переменять свой прежний грубой колер на зеленоватой. Цвет их теперь хотя еще и непрелестен, но мысль, что скоро и очень уже скоро покроются они тем прекрасным бархатом, которой толико утешителен для глаз наших в первые весенние дни, и толико прелестным всякий год нам представляется, делает уже и сию едва только приметную зелень нам драгоценною. Око наше, не выдавшее толь долгое время бархатных и прелестных ковров тех, которыми натура укрывает в вешнее время все лицо Земли, не может довольно насмотреться и не может довольно налюбоваться уже оною. Ах, любезный приятель! как мила нам сия ничего еще не значущая травка! С какими восхитительными чувствами смотрит на нее уже теперь чувствительный любитель природы! Какою сладостью напояется вся душа его при сем зрелище! Но что я говорю. Один ли любитель природы веселится теперь оным? Не чувствуют ли и все прочие смертные, обитающие в местах и пределах, подобных нашим, некоего особого теперь удовольствия, а особливо в светлое утро начинающегося прекрасного дня, и когда малая зелень сия освещается сбоку взошедшим только

ясным Солнцем. Самые души, погруженные в наигрубейшее невежество, самые те, которые никогда не ощущали сладостей, производимых красотами природы в чувствительных и просвещенных душах, которые о блаженстве сопряженном своем и понятии не имеют да и к чувствованию оногo по грубости своих мыслей не способны, самые крестьяне, толико от оногo удаленные, не могут взирать на первую сию и важную перемену природы без некоегo особливогo удовольствия и сладости. И они уже указывают друг другу сию зелень, и они об ней между собою разглагольствуют. А маленькие дети их, сии невинные твари, как резвятся, как играют и как валяются по сим зеленеющим и пообсохлым полянкам. Истинно налюбоваться никогда довольно сим зрелищем не можно!

Но обратимся, любезный друг, к себе. Обратимся ко всем сотоварищам нашим, обратимся ко всем тем, которые привыкли уже сего рода к невиннейшим и для них наиценнейшим увеселениям, доставляющим им толь великое множество блаженных минут в жизни. Коль важна для всех их сия важная эпоха годовогo времени. Эпоха, с которой начинается период самой достопамятнейшей во все течение года. Во всей природе происходит теперь наиважнейшая перемена и, пробуждаясь час от часу более из своего долговременногo сна, производит свои действия. Бесчисленные миллионы удивительного и непостижимогo устройства наших, сокрытых от любопытных очес смертных и стоявших несколько месяцев без своего действия, начинает теперь паки возоб-

новлять оное. С другой стороны, толикие ж мильоны одушевленных тварей пробуждаются теперь из своего долговременного сна, имевшего сушее подобие смерти, и влас-но как воскресая начинают новую жизнь и с нею новые деяния, труды и заботы. Те ж, которым натура не назначила по примеру их умирать на все зимние месяцы и коих жизнь и деяния не пресекались и в оные, начинают теперь заниматься новыми деяниями, новыми промышлениями и новыми заботами. Словом, вся натура находится теперь в движении. Движению толико же новом, колико удивительном.

При такой всеобщей и важной революции природы могут ли они остаться бесчувственными, когда и не столь общие наималейшие частные перемены, бываемые в природе, привлекают их к себе внимание и когда они привыкли уже и те не пропускать без примечания, но извлекать из них поводы к полезным для себя упражнениам. И телесным и душевным очам таковых любителей природы предлежит теперь беспредельное поле для обозрения. Предлежат тысячи предметов, могущих увеселять их зрение и вкупе занимать умы их наивеселительнейшими помышлениями. Куда ни обратят они теперь свой взор, куда ни прострут свои помышления, в область ли стихиев, в беспредельное ли царство животных, в области ли зверей, птиц, рыб, гадов и насекомых, и наконец, в самое ли общество разумных и им подобных тварей, как всюду встречаются с ними бесчисленные предметы, привлекающие их к себе око и подающие повод к различным по-

мышлениям, толико же полезным, колико увеселительным, и множество их так велико, что любитель природы не знает иногда, к которому из них прилепиться и которым дать преимущество пред другими.

Возьмем в пример одну давичную маленькую и ничего еще не значущую зелень, зрение наше теперь утешающую. Одни сей предмет в состоянии любителя природы не только утешить и увеселить своим видом, но и тюдать ему и множество поводов к увеселительным помышлениям. Пробежим оные, любезный друг, хоть вскользь и испытаем исчислить оные, буде только то возможно.

Любитель природы на зелень сию смотрит далеко не с такими глазами, как простолюдин и такой человек, который о искусстве увеселяться природою никакого понятия не имеет. Он, смотря на оную, во-первых, сравнивает умственно цвет ее со всеми известными ему разными другими колерами и утешается особливостью ее – зелени. Мысли о переменяющемся со всякими днем ее колорите и обстоятельство, что зелень сия с каждым почти часом становится живее, лучше и прелестнее, его утешает. Он, смотря теперь на оную и совокупно на светлое и яхонтовое небо с летающими по оном легкими белыми облачками и на прочие видимые в той стране поля, леса, деревья, здания и др. вещи, воображает себе, что он смотрит на ландшафт и на картину, нарисованную в сей день премудрую натурою, и на картину такую, которою любоваться можно ему единой только раз в году, ибо уверен,

что через день будет она уже в ином виде. Для сего любопытное его око спешит замечать все, что в ней есть хорошего и приятного, и успевает тем веселиться. Он рассматривает все части сей изящной картины, десницею всемогущего нарисованною, и прилепляется преимущественно к тем бликам и местам, которые красивее прочих и внимание его к себе более других мест привлекает. И тут с каким восхищением взирает он на иной холмок, более прочих зеленеющийся, и власно как превозносящемся красотою своею пред другими худшей еще вид имеющими местами. Он ищет зрением других ему подобных или еще лучших открывающихся вдали. Вид зеленеющего ржаного поля привлекает к себе его внимание. Прекрасная зелень, подобная празеленному бархату, приводит зрение его в новое восхищение. Он устремляет его на оное, любитися ею и вкупе радуется духом, напоминая, что прекрасная сия вновь оживающая зелень обещает изобильный урожай ржи, сего толико нужного для человеческого рода произрастения. Встречавшиеся с зрением его в той же стороне отдаленнейшие местоположения, покрытые некаким топким голубым туманом, и представляющее наилучшее и такое зрелище, какое в точности не может изобразить никакая рука смертных, увеличивает еще более его удовольствие, ощущаемое им в сии минуты.

Однако он при сем одном не остается. Для него было бы еще слишком мало, если б похотел он тем все свое увеселение кончить. В сем случае было бы оно толико же кратковре-

менно и толико же не совершенно как чувствуемое и многими другими при смотреии на сию зелень и на сей предмет новой. Он, полюбовавшись предметом сим своим чувственными очами, идет далее и заставляет толико же любоваться и веселиться оным и свои душевные очи. Они переплетаются ближе к нему своими помышлениями, простирает оные на самое существо сей прелестной зелени, вникает в самое оное, раздробляет его в части и помышляет о каждой из них особо и из каждой извлекает для себя новое удовольствие и новую утеху.

Тут прежде всего представляется уму его, что зелень имеет происхождение свое ниотчего иного, как от множества оживающих травок, начинавших паки таким же образом рост, как оживали ж и росли они за год да сего в сие время. Он помышляет далее, что травок сих бесчисленное множество, что зелень и наималейшей площадки наималейшего бугорка составляется из превеликого сонмища оных, сонмища из нескольких сот или паче из нескольких тысяч особых произрастений состоящего. Что каждое из них составляет особую и таково устройства машину, которой довольно надивиться невозможно и которой во внутреннее устройство в самую точность проникнуть никакой ум смертных был еще не в состоянии, что машины сии устраиваются вновь всякий год невидимою рукою и что сему созиданию и устройению их производится в самое теперешнее время начало и основание. Тако помышляя, дивится он сему и ласкается надеждою

вскоре увидеть опять чудные здания сии в полном их совершенстве и иметь паки повод удивляться оным.

Простирая мысли свои далее, напоминает он все то немногое, что ему о растении трав и что натура о действиях своих уму смертных сама открыть благоволила. Он напоминает, что Натура чудные здания сии созидает и устроит хотя неизвестным и уму нашему непостижимым образом и искусством, однако не совсем непосредственно, но при посредстве и вспоможении многих других готовых уже веществ и машин, предварительно для сего ею либо в минувшее лето либо за многие уже до сего годы заготовленных и до сего времени в целости сохранных и от всей суровости стужи сбереженных. Машины сии, сокрытые ею в самых недрах земли и известные как под именем корней и семян, привлекают новое к себе его внимание. Он смотрит на все оные мысленными очами своими, как на некие сокровенные и толико ж удивительного устройства орудия, натурою для произведения новых произрастений употребляемые и во все течение прошедшей зимы без действия находящейся. Он напоминает все то немногое, что ему о устройении оных известно, воображает, что все они по повелению природы начинают теперь свои действия, что действия сии состоят хотя по-видимому ни в чем ином, как всасывании или в себе из земли влажности, но в самом существе толико удивительны и мудрены, что никакой ум смертных их постигнуть и им довольно надивиться не может. Известное ему обстоятельство,

что все произрастания состояются не из одних водянистых частиц, но в существе оных имеет соучастия и воздушные, и огненные, и масляные, и смолянистые частицы, и что всего удивительнее, что все части сии не во всех травинках и произрастениях одинаковые, но как сами по себе различные, так и не в одинаковой мере всем произрастениям натурою разделяются, открывают любителю природы новый путь и новое обширное поле к размышлениям, а вкупе к увеселениям душевным.

Обращая мысли свои на сей предмет с некаким благоговением мыслить и чудится непостижимой премудрости, какую употребляет в сие время натура в деяниях своих. Тамо видит он мысленными очами своими чудные действия лучей благотворительного солнца, приводящих теплотою своею все стихии и мильон разных частиц в движение и заставляющих водянистые, а с ними вкупе серные, селитряные, солонистые и многие другие частицы выходить из недр земных и подниматься в Атмосферу. Здесь видит он воздух, по повелению природы поднимающий все оные в высоту и быстрым движением своим сгоняющий их в тучи и облака и заставляющий паки упадать их в других и тех самых местах на землю, где нужны сии для произведения произрастений и составления машин выше упомянутых. Тут видит он стоящие уже отверстыми и готовыми для принятия их в себя мильоны наимельчайших трубочек с отверстиями своими, из коих составлены корни произрастений и есть их с жад-

ностью хватающих в себя оных как некую природную свою пищу, но – о вещь, удивления достойная! – глотающие их не все сплошь и какие ни попало, но власно как с превеликим рассмотрением одни только те, какие которому произрастению нужны и для составления его необходимо надобны, а до прочих не касаяся. Обстоятельство сие поражает любителя природы толиким удивлением, что он приходит почти в восторг, пресекает помышления свои и, обращая очи свои к небу, вопиет «О глубина премудрости и разума устроителя природы и распорядителя всего того, что я теперь вижу перед собою».

Препроводив несколько времени в сих и подобных сему размышлениях, простирает он мысли свои далее и целию оным избирает еще один предмет, не меньшего внимания достойный, а именно те многоразличные пользы, для которых все травки сии теперь натура производить начинает. Тут отверзается умственному взору его паки обширное поле ко многим увеселительным помышлениям. Не втуне вещает он сам себе и, верно, не для того только Натура все сии миллионы чудных машин производит, чтоб они зеленую своею увеселяли очи смертных! Коль многочисленно количество тех, кои ею достойно и так не веселятся, как должно, но напротив того, сколь велика толпа тех, кои смотрят на них с хладнокровием и равнодушным оком и кои чудные машины сии с таким же бесчувствием попирают ногами, как и скоты бессмысленные? Нет, для сего единого не можно, чтоб натура

производила только премудрое и великое дело, но она имеет вкуче притом и многие другие свои виды. Телесное око мое теперь хотя не видит, но ум вещает мне и уверяет заподлинно, что вместе с сею оживающею травою просыпаются теперь из глубокого и долговременного сна бесчисленные миллионы одушевленных и таких тварей, которым сонмище травинок сих натура таким же обиталищем быть определяет, каким она зверям леса и дубровы назначила. Твари сии, хотя по мализне своей нами не удостоиваются дальнего примечания, но в рассуждении устройства своего толико ж или еще вящего удивления достойны, как и большие звери и скоты. Все они с нетерпеливостью уже дожидаются, чтоб скорее выросла сия трава, дабы им между травинками можно было так, как между деревьев и кустарников, ходить, бегать, искать себе пищу и пользоваться теми выгодами, какими им по роду их жизни-наслаждаться можно. И вот несколько дней, несколько недель мне только подождать, как удостоверят меня в том и самые глаза мои. С каким удовольствием стану я смотреть на маленьких разнообразных и чудного устройства животных сил и на разные деяния оных? Как буду веселиться скорым-скорым их беганьем, искусным взлезанием на травки и пролазвания через оные! С каким удивлением примечать ревностное старание искать себе пищу и заботливость их о себе и о сохранении жизни своей. Для многих из них и самая низкая трава служит уже дремучими лесами, в коих они большую часть года живут, питаются, размножают-

ся и находят все удовольствия, какие только назначила им натура. Коль многим из некоторые части сих травинок служат наилучшими конфектами, а сгибы листков их и прочие неровности и пустоты на стеблях их спокойными логовами и обиталищами, укрывающими их от стужи и от других зол, которым они подвержены бывают.

Но для одних сих маленьких бесчисленных животных трава сия нужна и полезна? Не известно ли мне, что самые скоты сии, для услуг и пропитания нашего назначенные, большие твари с толикою ж нетерпеливостью оных дожидаются? С каким удовольствием видел уже я их по сей оживающей травке ходящих и премены той сухой пищи ищущих, которая им в зимнее время уже прискучила! Сия наиболее для пищи и пропитания их назначенная трава служит им теперь наисладчайшим конфектом. Они ищут ее, сщипывают с удовольствием едва показывающиеся из земли верхушечки оной и услаждают ими вкус свой, утоляя вкупе и свой Голод.

А из сего последнего не проистекает ли и для самих нас бесконечная польза? Что б было, если б скоты наши, которые нам толико нужны и необходимо надобны, сей травы не имели? Чем бы стали мы их кормить и чем бы питать в летнее и зимнее время? Можно ль и существовать без оных? И каких выгод и удовольствий лишились бы мы, не имея оных?

Мысль сия побуждает любителя природы паки несколько минут остановиться и испустить из себя вздох благодарности к небу и устройтелю природы за толикое его об нас по-

печение. После сего обращается он паки к траве своей, начинает помышлять несколько тож и том же предмете и ответственными очами взирать на то, для чего скотам назначено сим травы снестать и что собственно они в них производят? При сем случае отвергается паки ему обширное поле к размышлениям и представляется множество новых поводов к удивлению. Он напоминает все то, что ему в устройении тех скотов и зверей известно, мыслит о том, как они питаются и что происходит в них от съеденной ими травы. Он воображает себе мысленно, что из снестой сей внутренние их орудия извлекать сладкое млеко, млеко сие превращается в кровь и соки, из них составляется тело и проч. части оных. Тело же их наконец служит нам пищей и производит то же в нас, что трава в оных. Он углубляется в обширные сии помышления, удивляется и в сем случае премудрому устройению природы и связи между всеми живыми созданиями и не может всему тому довольно надивиться.

Наконец, встречается с помышлениями его еще одна польза, производимая травами, и польза, подающая опять повод ко многим пространным и утешительным помышлениям. Ему приходит на мысли то известное ему обстоятельство, что кроме пользы, производимых травами, нет почти ни одного рода произрастения, нет ни одной травы, которая бы какой-нибудь и особенной не производила пользы. Неизвестно ли о весьма многих из них, что они кроме способности к пище зверей и скотов таковым же образом могут пи-

тать и самих нас. А что того еще паче имеют в себе и врачевные силы и качества, помогающие нам от разных недугов и нередко спасающих самую жизнь нашу. Мысль о сем и о попечении об нас и с сей стороны благодетельною натурою побуждает его паки к благодарности производителю... С благоговением, достодолжным всякой разумной твари, возводит он мысленные и душевные очи к Оному и благодаря воздаст ему хвалу и честь достойную!

Вот слабое, краткое и весьма еще недостаточное исчисление всех тех предметов, какими могут заниматься мысли любознательного любителя природы при зрении на одну оживающую теперь траву. А что должно б было мне пересказывать, если б таким же образом пробежать хоть также вскользь и прочие натуральные предметы, предлежащие теперь его зрению и какой может он устремлять свои телесные и душевные очи. Я конца бы не нашел, если б восхотел углубиться во все оные. Но как и сего уже довольно, то дозвольте мне, любезный друг, сим теперешнее мое письмо кончить и сказать вам, что я есмь ваш друг и проч.

Письмо 4

Любезный друг!

В сию только минуту возвратился я из своего сада и как ни устал, но сажусь теперь же к тебе писать и сообщать удовольствие свое, какое имел в севодняшней прогулке. Несколько дней, по причине непрерывных ветров, принужден я был сидеть взаперти и удовольствоваться одним зрением из хорм на те красоты природы, какие из окон моих видны, а севодни не мог уже никак удержаться, чтоб не выттить и не обегать всех садов и лучших мест, вокруг жилища моего находящихся. Ни продолжающийся еще ветер, ни слабость здоровья моего меня не остановило. День такой ясной, погода столь теплая, и весна уже столь близко подвинулась к нам для показания себя в наиторжественнейшем своем виде, что был бы поистине самой грех, когда б просидеть теперь без дальней необходимости в четырех стенах и не воспользоваться теперечним случаем к увеселению себя красотами природы, число которых с каждым днем умножается уже более.

И так ходил я, любезный друг, со двора, обходил множество мест, налюбовался множеством новых предметов, и прогулка сия сопряжена была с столь многими для меня удовольствиями, что и теперь еще вся душа моя напоена еще оным.

Ах! как все уже и теперь на дворе мило, все утешительно

и все прекрасно. Куда ни обратишь взора своего, повсюду встречаются с ним уже множество предметов, прельщающих и утешающих оной. О как бы делал я, чтоб мог изобразить тебе одним словом, сколько невинных радостей и сколько наисладчайших удовольствий они во мне производили. Но как сего не можно, то испытаю пересказать тебе хоть нечто о моей прогулке и о том, что я видел и чем утешался во время оной.

Вся натура была уже теперь совсем в ином виде, нежели тогда, как писал я к тебе в первый раз о траве, начинающей только ожидать и производить на поверхности земной уже некоторую зелень. В немногие те дни, которые миновали с того времени, произошло уже тысяча перемен во всей натуре. Самая та трава представилась уже очам моим в лучшем и несравненно в великолепнейшем виде. По всей обширной, ровной и известной тебе площади, посреди которой воздвигнут пышной храм в селении здешнем, распростерт уже был бархат как прекраснейшего зеленого колера. Цвет оного был уже повсюду прелестен и повсюду единоравен. Не видно уже было нигде ни малейшего черного пятна, какими испещрено было за неделю до сего сие место. Все они покрылись нежною и прекрасною зеленью, и видны были на ней одни только белеющиеся, как снег, ткани, распростертые на мягкой мураве и лежащие на солнце. Рука трудолюбивых поселян произвела и положила их тут рядами, дабы внешнее благотворное солнце и усовершенствовало труды их и придало им бе-

лизну, подобную снегу. Дыхание ветра, власно как досадующего, что они лежучи тут мешали ростъ бесчисленному множеству нежных травинок, находящихся под ним, поднимало края и концы оных и скручивало власно, как играло сими белыми полосами. Оно сгибало и разбрасывало их в приятном беспорядке. Черные и широкие полосы, простиравшиися до сего чрез сию обширную площадь, пробитые колесами и конями путешественников, восприяла теперь далеко уже не столь грубой и дурной колер, какой имела она прежде. Не было уже на ней ни малейшей грязи. Ветры и благотворные лучи солнца извлекли из ней всю излишнюю сырость и, обсушив всю поверхность земли, и самым голым местам придали уже лучший и приятнейший вид. Но не успел я на одно из таковых мест нечаянно взглянуть, как новое увеселительное зрелище представилось очам моим. Целые тысячи маленьких и наинейших травинок вылезло уже из серой поверхности земной, и готовив укрыть и сие место зеленью.

Совсем новые были сии произрастения и никогда еще глаз наших не увеселявшие! Все они произошли от тех семян, которые угодно было самой натуре в минувшую осень по сим местам рассеять и которые она с толиком попечением увергся, что вся жестокость зимы ни одно из них не повредилось. Теплота воздуха успела уже в зернушках сих произвести непостижимые для нас действия и заставить их испустить свои ростки вкупе с корешками и выставить наружу уже те первые листочки, кои назначены служить первую за-

щитою и пищую прочим за ними последующим. Маленьких сих и наинежнейших произрастений было тут такое множество, и стояли они в таком близком стеснении друг с другом, что единая стопа ноги моей могла б придавить и уничтожить их несколько сотен. Но почтение мое к деяниям природы было столь велико, что я совестился сие сделать и без дальней нужды погубить толико сот сих первенцов весны прекрасной, но восхотел лучше для шествия своего избирать такие места, где б не мог я сделать вреда новым произведениям ее.

Не успел я несколько минут сим зрелищем повеселиться и заняться мыслями о том, коль многие миллионы подобных сим совсем новых и весьма различных родов произрастений произвела в единый севодняшний день натура, не успел отойтить несколько шагов вперед, как паки новое и восхитительное зрелище представилось мне. Повстречались с зрением моим лежащие вдали отсюда поля, холмы, бугры, долины и воды. Вы знаете, сколь прекрасные, сколь прекрасные местоположения виделись здесь вдали с некоторых мест. Но ах! любезный друг! никогда почти или по крайней мере давно и о чем уже давно не видывал я их в такой красе, как в сей раз. Все сии отдаленные прекрасные виды власно как задернуты были от меня некакою неипрекраснейшею и столь тонкою и прозрачною голубою завесою, что, несмотря на то, мне все они были видны, но видны не в натуральных их колерах, а несравненно в лучших и приятнейших. Натура соткала завесу сию из бесчисленных бильонов разного существа

и чрезвычайной мализны частиц, извлеченных лучами солнца из недр земных и поднявшихся в воздух в образе некоего чада или наитончайшего голубого дыма, видимого только вдали, а вблизи зрением не ощущаемого. Сии испарения густым соединением своим мешали глазам видеть все отдаленные предметы в колерах, им от природы свойственных, но представляли их очам в иных и несравненно приятнейших. То, что вблизи имело желто-зеленый колер, казалось тогда вдали имеет наипрекраснейший презеленый, а то, что по натуре было серо, казалось, имеет прелестной пурпурный колер. Словом, отдаленнейшие зелени и пурпурные сии были столь многообразны и столь прекрасного колорита, что ни лучший живописец самыми наидрагоценнейшими и лучшими красками подобных им изобразить не может и охотнику до живописи не иначе как с крайним удовольствием смотреть паки можно.

Признаюсь! любезный друг! что таковые сквозь тонкой туман видимые дальки производят мне всегда своим великое удовольствие. Всегда, когда ни случается мне их видать, я на них с некаким восхищением и никогда не могу довольно насмотреться и налюбоваться ими. Может быть, происходит сие от любления моего ландшафтной живописи и оттого, что я сам люблю упражняться в сем искусстве, а посему и почитаю я в особливости полезным, когда молодые дети приучаемы будут к оному и с малолетства своего довольный вкус получать в ней. Бесчисленные выгоды и преимущества может

иметь такой человек пред другими и несказанно уже способнее к тому, чтоб мог наслаждаться увеселениями натурою и чрез то иметь столь многие счастливые часы в жизни. Тысячу раз благодарю я за то небо, что оно влияло в меня с малолетства к тому охоту!

Но я удалился уже от моего повествования, и мне время возвратиться к оному. Несколько минут простоял я тут на одном месте, любуясь непрерывно сими прекрасными видами. Я обращал и простирал око мое всюду и всюду на сии дальки, и везде, везде представлялись они мне в таком же прелестном виде! Везде видимы были отдаленные поля, покрытые либо наипрекраснейшим презеленым, либо пурпуровым бархатом, везде представлялись мне отдаленнейшие холмы и возвышения, покрытые ровно, как голубцом. Везде смыкающиеся с ними нижние края великолепно небесного свода, испещренные кой-где тонкими прекрасными и также в прозрачном тумане наполовину сокрытыми облаками, придавали им еще более красы, а воды, имеющиеся в отдаленности, и рябь их, блестящая кой-где от солнца, как серебро, оживляла всю картинку в той стране, представляющуюся зрению. Словом, я смотрел несколько минут на все сие, не сходя с места, и не мог зрелищем сим довольно налюбоваться.

Оттуда спешил я пройтись в здешний большой сад, насаженный за несколько лет моими руками и которой всем своим существованием наиглавнейше мне обязан. Ах! с ка-

ким веселым духом вошел я в онай и с каким удовольствием продолжал путь свой. Мне казалось, что все кустарники и деревцы, мимо которых я шел, меня как питомцы мои тут встречали, и каждый из них приглашал посмотреть на себя. Все они готовились уже надевать на себя свою великолепную летнюю одежду, и поспешнейшие из них отчасти уже начали облекаться в онаю. Не было хотя еще в группах и лесочках ни малейшей густоты, не было еще той прекрасной густой Зелени, которою вскоре они покроются, не было хотя еще той прохладной тени, которая так приятна чувствам нашим в летнее время: а все они были еще голы и прозрачны, однако многие деревья и кусты зеленелись уже между прочими. Тамо видел я духовитую черную смородину, укрытую уже совсем множеством развернувшихся листочков. Бальзамический запах от них услаждал уже мое обоняние. И стояла черемушка, унизанная хотя редким, но наинежнейшим маленьким листом. Первая сия древесная зелень, украшающая все ветки деревцов, придавала им и особливо против солнца отменно приятный и столь прелестный вид, что не можно было ими довольно налюбоваться. Здесь привлекали зрение к себе зеленые и равно, как лаком, покрытые молодые листки маленьких ивоч, а тамо призывали к себе клены и власно как вещали, что и они уже рябые листки из себя испустили, которые хотя теперь еще малы, но скоро-скоро будут великолепствовать отменного величиною против прочих. Стоящие подле их кусточки бересклета украшались уже множе-

ством маленьких своих желто-зеленых листочков, которые унизаны были все их мелкие и испещренные веточки, а за ними привлекала зрение к себе и малина распустившимися уже листками своими. Вдали же видимы уже были кулиги деревьев, совсем почти позеленевших и составляющих уже первое украшение садам. Были то лозы, испустившие из себя листки, и от них равно, как и от киточек своих, зеленеющиеся.

Но колико все сии имели на себе хоть несколько зелени, толико напротив того другие были еще совсем голы и обнажены. Немногие только готовились испускать первые листки свои, и одна только рябина и жимолость развернула свои оки и хоть выпустила из них свернувшиеся листки, но зелени на них еще не было. Самые березки готовились только облекаться в великолепнейшие свои вешний одежды, но одеваться еще не начинали. А осинки, сии сотоварищи их, украшали только ветви свои длинные своими испещренными и вид больших червей имеющими кисточками. А немногим отличались от них и кленки с ясенками; липки же и дубки, как казалось, о убранстве своем еще и не мыслили. Самые яблони, груши, сливы, вишни и прочие плодовые деревья были еще голы и увеселяли зрение хозяина садов едиными только своими надувшимися цветными почками, обещающими изобильный цвет на оных. Самая красная смородина далеко еще отстала от черной и вместе с крыжовником только готовились украшаться своею зеленью. Словом, на деревьях вообще зелени было очень мало, но зато каждое развертываю-

щеся, вблизи тем более, веселило зрение, для которого теперь и сама малейшая зелень была еще приятна.

Но чего недоставало еще в деревьях и кустарниках, то видно было уже с избытком под ними. Вся поверхность земли под деревьями и кустарниками укрыта была миллионами разных травяных произрастений. Все сии были уже несравненно более, нежели на улицах и площадях. Все возросли уже до такой вышины, что ветер играл уже ими, колебая их то в ту сторону, то в другую, и все производили приятное для глаз зрелище. Нежная сныть сие толико полезное нам в сие время произрастение, в особенности подвержена была сей наглости стремления воздуха. Листки ее то и дело опускали и, ударяя друг о друга, согибались и трепетали. Замешавшая кой-где между прочих трав колкая и сердитая крапива взбежала уже тут до толикого возвышения, что походила на маленький лесок и не могла уже никак употребляема быть в ту пользу, в какую употребляема она была недавно нами. Заботливый садовник помышляет уже и о истреблении оной из сообщества других лесных трав, между которыми она замешалась, а сии все лезли повсюду из земли и наперерыв друг пред другом возвышаться тут старались.

Не успел я, остановись несколько минут, полюбоваться сим хотя еще маловажным, но довольно приятным зрелищем, как целое сонмище маленьких пташечек поразило слух мой разнообразным своим чиликаньем. Были они хотя еще и не из самолучших певунов, но теперь и они в диковинку, и

принудили меня воскликнуть: «Ах! вот уже и вы, милые жители садов, прилетели обитать в оные, и вот уже и вы утешаете слух мой вашими голосками. Летайте себе, летайте, мои друзья, и, перепархивая с сучка на сучок, беседуйте между собою и ищите мест, где бы вам устраивать и вить ваши гнездушки и выводить птенцов своих, не хочу мешать вам в упражнении вашем и удаляюсь скорее».

Тако вещая, спешил я иттить далее и сойтить вниз, в подгорную часть здешнего сада. Сюда не успел я приттить, как новые зрелища и новые приятные предметы привлекли все мое внимание к себе. Вы знаете, любезный друг, что часть сия украшена здесь водами, окруженными с нагорной стороны маленькими приятными лужочками, холмиками, бугорками, группами и лесочками, из дерев и кустарников разных состоящими, и ведайте, сколь приятно сие место весною, а особливо по утрам и по вечерам. Теперь не имею оно, хотя и сотой еще доли тех красот, которые вскоре очаровывать будут зрение, однако нашлись и теперь, уже предметы, могущие увеселить меня. Самой первый холмик, на который я взошел, представился уже мне украшенной не только прекрасною низенькою травкою, но уже изредка разными цветочками. О! как приятны были мне сии первенцы прекрасных вешних произрастений. Во многих местах видел уже я тут кусточки низенькой фиалки, прекрасным своим голубым колером зелень испещряющей, а кой-где между ими стояли кустики двуцветной медуницы, сей толико полезной лечеб-

ной травки, а немного поодаль от них выглядывали из-под кустиков цветки желтеньких ранних ранункулов. Лоском и власно, как китайским лаком покрытые, златожелтые их листочки блестели издалека и привлекали к себе зрение, всеими сими цветками, как предшественниками, множеству других за ними вскоре последовать имеющих, не мог я довольно налюбоваться. Они были в такую же диковинку, что я жалел сорвать некоторые из них и остановить возрастание оных, но, желая ближе их рассмотреть, решился лучше возлечь на один из приятнейших бугорков между ими. Тут дал я мыслям своим полную волю упражняться в приятных размышлениях о удивительных сих машинах, рукою премудрой природы устрояемых и производимых. Смотря на рост и красоту колеров их вблизи, углублялся я в размышлениях обо всем том, что есть в них чудного и для нас непостижимого, и препроводил в том с удовольствием несколько минут времени. Я опишу тебе, любезный друг, при другом случае, какие имел я тогда мысли и какими можно любителю природы в подобных сему случаях упражняться, а теперь, чтоб не прервать порядка моего повествования, пойду далее.

Полежав тут несколько минут и полюбовавшись как сими, так и множеством других травянистых произрастений, растущих с ними в соседстве, а особливо с имеющими врачевные силы, на которые взирал я, а как на своих особенных знакомцов, и поговорив мысленно с ними, встал я и продолжал путь мой. Тихое, но приятное журчание, слышанное из-за

маленького лесочка, привлекало меня в ту сторону. Были то небольшие каскадцы и водопады, получившие существование свое только в минувшем году и произведенные мною для украшения одного в особенности приятного места. Несколько их тут было, и все они изливали с небольшим и приятным шумком чистейшую воду с маленьких каменистых кручей и взаимным журчанием своим производили разные и приятные тоны. Было это еще в первый раз, что я видел их, возобновивших в сей год свое действие. Я любовался ими и любовался тем более, что были они произведением рук моих и мыслей. Маленькие водоемы, подхватывающие в себя их чистые струи, увеселяли вкупе зрение мое гладкими поверхностями своими. Все деревцы, стоявшие на берегах, и все разноцветные камни каменистых кручей изображались превратно в них, как в чистом зеркале. Видение сие, толико для меня всегда приятное и так же зрение мое в первый раз в сей год увеселяющее, было мне в особенности приятно. Но не успел я несколько минут повеселиться оным, как многие стоящие тут поблизости деревья и кусты, попавшиеся мне на глаза, влекли меня, как неволею, к себе и побуждали итти к ним и обозреть оные. Были то все новые и в минувшей только год для украшения сего места мною посаженные. Мне тем более видеть их хотелось, что посажены они были не в обыкновенное время, а почти против природы посреди самого лета, и тогда, как имели они на себе полной уже лист, и некоторые из них даже цветами своими великолепствова-

ли. И ах! любезный друг! какое удовольствие имел я, увидев, что и они все были живы, все готовились развертываться и своим листом одеваться. Видение сие подтвердило мне еще раз возможность садить деревья посреди лета. Первому мне случилось за несколько лет до сего испытать сие, первому открыть сие выгодное дело, и первому веселиться возделенным успехом сего полезного опыта. При осматривании всех деревцов удовольствие мое было так велико, что мне мнилось, что каждое деревцо и каждой кустик кричал меня особенно к себе, дабы показать мне, что и он жив, что принялся и что и им я в нынешнее лето веселиться буду, а все совокупно власно как благодарили; меня за то, что я исторг их из скучных и мрачных лесов и переселил на сие место. Каждое, казалось мне, веселилось и радовалось тому, что будет оно тут расти на виду и в хорошем месте и что будет нетщечно великолепствовать красотами своими, но увеселять ими зрение разумных тварей.

Сими и подобными тому мыслями и зрелищами повеселившись, продолжал я далее свой путь и ходил более двух часов и до тех пор по всему обширному здешнему саду, куда ноги мои мне служить могли, и тогда не прежде возвратился уже я в свой любезной кабинет. Упоенный столь многими невинными утехами и удовольствиями, что и трех писем мало б было для описания тебе всех оных и всего того, что я видел, что ощущал и чем веселился. Итак, окончив сим мое письмо и уверив вас вновь о своей дружбе, остаюсь и

проч.

Письмо 5

Любезный друг! Ах! Какое прекрасное опять у нас сегодня утро! Морозы, настрашавшие нас на сих днях, опять скрылись, и стужа со своими холодными ветрами, толико нас беспокоившая и мешавшая веселиться красотами природы, удалилась. Ночь опять была теплая, прекрасная и приятная, а утро, следовавшее за нею, наполнено было толикими прелестями и было так тепло, так тихо, так хорошо, что как я ни занят был делами, но не мог утерпеть, чтоб не сбежать хоть на несколько минут в здешний ближний и маленький свой сад и повеселиться хоть вскользь теперешними утренними красотами и приятностями природы. И ах, любезный друг! сколь приятны были для меня сии немногие минуты.

Не успел я выйтти в сей маленький свой садик, как множество предметов наперыв друг перед другом привлекали к себе мое зрение, все час от часу оживотворялось более, и все деревья и все кустарники, ровно как и вы, переживали друг друга и спешили надевать на себя прекрасную вешнюю одежду. Многие из них, а особливо черемухи и рябинки уже гораздо зеленелись. Первые имели уже не только множество листков, но произвели уже на ветвях своих и новые побеги. И сии были уже в вершок и более длиною, и длина их увеличивалась с каждым часом. Самые продолговатые цветоч-

ные кисти не только уже вылезли из своих мест, но, получив всю величину свою, готовы уже совсем к расцветанию, и скоро-скоро будут утешать зрение наше своей белизною, а обоняние – своим ароматическим запахом. Последние также уже развернулись, и на всех ветвях их висели нежные их лапчатые листочки, а между ими видимы были и те коронки, которые, повеселив нас в вешнее время своей белизною и запахом, украсят потом деревья сии толь многими своими красными ягодками, придадут им толь многое великолепие.

Что ж касается до березок, то ах! как прекрасны они теперь становятся. Парочка молоденьких и за несколько дней только до сего пересаженных, попавшихся мне на глаза, в состоянии были меня остановить, и власно как неволею заставить полюбоваться милыми своими прекрасными маленькими листочками. Все веточки их были ими изредка унизаны, и все они, будучи как некаким лаком прикрыты, блестели от солнца. Стоящие неподалеку от них большие яблони были хоть еще голы, но принуждали меня также подойти к себе и повеселиться своими развернувшимися плодоносными почками. Все будущие цветочки означались теперь пучками презеленых листков своих, и хотя не имели еще своего великолепия, однако увеселяли уже надеждою будущих многочисленных плодов, последующих за ними.

Между тем, как сии мало-помалу приуготовлялись к цвету, целые ряды смородины цвели уже теперь вразвал и час от часу более украшали сады своей зеленью, листочки на ней

были хотя редки, но нарочито уже велики, но недостаток количества их награждали цветочные их кисточки. Превеликое множество было оных, и все веточки ими унижены. На-туре хотя не угодно было кустарник сей украсить красивыми цветками, но зато будущий рубиновый плод их будет увеселять не только зрение, но вкупе и вкус наш. Я спешил посмотреть, не претерпели ли чего зеленые цветки деревцов сих от бывших морозов, и с удовольствием увидел, что они от жестокости их избавились и уцелели.

Превеликий гром от нескольких десятков разноголосых пташечек отвлек меня, наконец, от сих кустарников и обратил к себе все внимание мое. Превеликое уже множество и разных родов летало их по всему садику и перепархивало с одних мест на другие, а в известном тебе маленьком увеселительном лесочке, в сем саду находящемся, стоял даже стон от множества разных и премилых голосков, раздающихся по всему оному. Какое чиликанье, какое щепетанье, какое трещанье нежных и разных голосков и какие распеванья у них тут происходили. Казалось, что находилось их там несколько сот вместе и что каждая пташечка другую пением и голоском своим превзойти старалась. Уши мои не знали, которую из них лучше слушать и которых пением наперед увеселяться. Все они были прекрасны, все прелестны, и все столько удовольствия мне производили, сколько никогда, я думаю, не ощущал иной и величайший охотник до них, несмотря на все множество их, навешанных в покоях у него в клетках. Из-

вестное то дело, что сим не производят нежные сии невольники и сотою доли того удовольствия, какое причиняют они любителю натуры в теперешнее летнее время. Причиною тому то, что тем пение сие уже не в диковинку, ибо они его во весь год кругом и всякий день слышат, и оное их не трогает, а сии утешаются им изредка, и притом живущими на свободе.

Но не успел я несколько минут многообразным пением сих милых пташечек повеселиться, как вдруг пронзил слух мой громкий голос соловья, и напоил все сердце мое как некаким нектаром. «Ах! Вот уже и ты к нам прилетел, соловьюшка дорогой, – сказал я, – и ты уже обитаешь в пределах наших». С некаким восхищением слушал я приятные его чвоканья, взыванья и пускаемые разные приятные трели, раздающиеся по всему лесочку. Для меня пение его было тем приятнее, что слышал я оное еще в первый раз нынешнею весною. Громкость голоса сего царика пернатых пташек заглушала пение всех прочих птичек так, что они за ним были вовсе не слышны, а известная приятность оного обращала к себе все внимание слушателя. Несколько минут слушал я оное с неописанным удовольствием, ибо, признаюсь, любезный друг, что всякий раз, когда ни случается мне оной слышать, веселюсь я им в особливости. Однако скажу и то, что для того и не терплю, чтобы птичка сия сидела у меня в покоях в клетке. Ибо ведаю, что в сем случае лишился б того удовольствия, каким наслаждаюсь я во всякую весну, слушая пение их в садах, лесах и рощах.

Препроводив несколько времени в слушании сей птички издалека и не удовольствуясь еще тем, восхотелось мне подойти ближе, дабы тем лучше можно было мне пением ее наслаждаться. С некаким благоговением, самыми тихими стопами и не производя ни малейшего шума, продолжал я к тому месту свое шествие, где она гремела. Но не успел я войти в лесок, как новый и отменный шум привлек к себе все внимание моего слуха и принудил позабыть и соловья самого. Мильоны прилежных и трудолюбивых насекомых, приносящих толико польз человеческому роду, производили оной на стоящих тут поблизости лозах. Все ветви сих дерев унизаны были ими и по несколько сот толпилось их над каждым деревом. Все они, с журчаньем перелетывая с сучка на сучок, ползали с одной цветущей вербинки на другую и наиискуснейшим образом собирали для себя воск и семянную желтую пыль для своего хлеба, и: уносили потом в улы свои. Не можно было без особенного удовольствия смотреть на сию их неутомимую работу, видеть рачительное соревнование друг другу и слышать громкий звук, производимый ими нежными их крылышками. Несколько минут смотрел я на сие их упражнение, а видение сие возбудило во мне все те мысли, какими всякий год занимаюсь я не однажды, о удивительных сих маленьких тварях и о тех порядках, какие наблюдаются в сонмищах сих премудрых насекомых. Время не дозволило мне в сей раз углубляться в помышлениях о сем предмете, но я при другом случае сообщу тебе, мой друг, ка-

кой изобильный источник к размышлениям в состоянии открывать собою пчелы любителю природы и какими помышлениями можно заниматься и увеселять себя при воззрении на сих маленьких тварей, а теперь, не прерывая порядка, пойду далее.

Препроводив несколько минут в помянутых размышлениях и полюбовавшись прекрасными теперь и равно как некаким изящным лаком покрытыми маленькими лозовыми листочками, взглянул я ненарочно на стоящий неподалеку от себя молодой кленок. Сей был хотя совсем еще гол, однако в состоянии был привлечь на себя мое внимание. Тех больших и прекрасных листьев, которые вскоре только украшать будут еще деревья и ими все увеселительные лесочки, еще не было, но я увидел на них совсем уже развернувшийся цвет и с любопытством смотрел на кучки желто-зеленых их цветков, висящие махрами. Я любовался искусству, с каким угодна было природе устроить оные, считал нежные их листочки, пересчитывал того нежнейшие спички с маленькими их шляпками и дивился особливому распоряжению, сделанному натурой с цветками сего дерева. Ей не угодно было сделать с ними то, что сделала она с множеством других произраетений, но она предписала деревьям сим некоторый особый закон. Цветочки сии не все одинакового рода, но одни из них гермафродитные, а другие одного только мужского рода, но разница между ними так мала и не приметна, что едиными только ботаниками усматриваема быть может, и по-

тому полагают они дерево сие совсем в особый класс произрастений. Далее дивился я тому распоряжению природы, что угодно ей было повелеть цветочкам сим расцвести прежде, нежели развернутся самые листья. Все сии представляли теперь зрению весьма странную фигуру. Вылезши из своих почек, сохраняли они еще тот образ, каковым согнуты и сжаты они были наитеснейшим образом во внутренности оных. Все они висели теперь наподобие маленьких и сжатых опухалцев, готовящихся разжиматься; а под ними видны были некакого особого рода и равно как финифтные озогнувшиеся толстые листки, составившиеся из расколовшейся начетверо самой почки и придающие теперь деревьям сим особое украшение, заменявшее уже некоторым образом недостаток листа. Кропотаночные черненькие особого рода мушки явились уже к цветкам сим и, перелетывая с одной на другой, ползали по оным и искали в них того, что нужно было им по их природе. Никогда еще не случалось мне видеть сего рода насекомых, и потому рассматривал я их с особливым любопытством; а сие и подало мне случай напомнить, что по примеру их ожило теперь и несметное множество родов и других подобных им маленьких насекомых, которые с нетерпеливостью дожидаются расцветания свойственных им и тех деревьев и цветов, из которых природой назначено им добывать себе разные нужные им частички или, прокалывая жалъцами своими нежные зародыши и начатки будущих плодов их, класть в раночки сии мелкие свои яички, дабы выведшиеся из них

потомки их могли в плодах сих находить тотчас первую свою пищу и питаться оною.

Мысли сии побудили меня вновь удивляться мудрому распоряжению природы и толикому попечению устроителя ее о всех животных. Великий боже! говорил я сам себе: как могу я думать, чтоб ты обо мне не имел попечения, когда ты не презираешь и наипоследнейших тварей и не оставляешь иметь попечение и о презреннейших мушках и червячках. Но ах! что я говорю, в глазах наших кажутся они только презренным, но Ты зришь на них таковым же оком, как и на прочие свои создания. Ты, произведя и устроив и наипоследнейших насекомых с таковою ж непостижимою премудростью, как и наивеличайших животных, имеешь об них равномерное попечение! Каждому из них назначил Ты особливую пищу, и каждое снабжает довольным количеством оной и всеми нужными им потребностями. Попечение Твое о каждом роде их так велико, что ни которой из них не перевелся еще с начала света, но ведет и да сих времен свою породу и столь скрытыми и утаенными стезями, что никакой ум смертных постигнуть оных не в состоянии!

Сим и подобным сему образом сам с собою говоря и помышляя, продолжал я малое свое путешествие далее. Множество желтеньких и синевшихся цветков, попавшихся мне на глаза на маленькой лужайке, посреди лесочка находящейся, прервали помышления и, обратив к себе внимание мое, паки воскликнуть побудили. «Ах! Вот уже и милые та-

раксаконы, вот уже и златожелтые одуванчики! Сии, которых врачевные листки недавно служили нам толь вкусным и здоровым салатом. Смотри, как великолепствуют они теперь множеством своих золотых листочков, и сколько много плоскими шапочками своими украшают лужайку сию. Вот, вот! зацвела уже и духовитая будра. Прекрасный густой пурпур, украшавший согнувшиися листочки маленьких и под листочками скрывающихся ее цветочков, не уместаясь в оных, разливается по всем листочкам сего произрастения, так что самая верхушка травы сей оттого несколько синееется. Но скоро, скоро круглые листочки ее увеличатся и укроют целые круговины собою, а тамо, под кусточками сими как желтеется целая круговина и множество ранунколов ранних. Они равно как гордятся тем, что натура предписана им первым украшать землю, и спешат исправлять сию порученную им должность» прежде чем расцветут другие цветы и помрачат их лучшими своими красотами.

Между тем, однако, лесочек мой все еще был гол и прозрачен. Зелени кой-где на деревьях было хотя и довольно, но нежные сии и маленькие листочки не производили еще никакой тени и той густоты, которая лесочкам молодым придает толикое множество красот и наиболее их делает приятными. Словом, лес еще далеко не оделся, и потому прогулки в оном не таковы еще были веселы. Сие обстоятельство побудило меня пройтить его скорее и поспешить на главную и просторнейшую лужайку, посреди онога находящуюся. Та-

мо надеялся я найти более пищи для своих глаз и более увеселительных предметов, и в надежде своей не обманулся.

Не успел на оную выйтить, как представился мне предмет, обративший вдруг все мое внимание к себе. Было то целое семейство пернатых тварей, разгуливавшее тут по лужку, покрытому молодою травою, тварей, которые толико для нас нужны, которыми одарила нас преимущественно натура и которою мы довольно за то возблагодарить не можем. Было то целое стадо маленьких гусеняточек. Ах! как прекрасны они теперь! сии нежные и слабые твари. Не иначе как бархатную одежду они имеют на себе теперь кажутся. Желто-зеленый мягкий и нежный пушок, которым они покрыты, имел столь живой прекрасный колер, что не можно было на него довольно насмотреться. Между ними и старыми гусями не было ни малейшего еще сходства, и если б они нам *не* таковы были известны, то бы поверить было трудно, чтоб они были дети оных. С каким невинным пиканьем бегали и резвились бедняжки сии тут вокруг своей матери и вокруг маленького корытца, поставленного с водою для оных. С какою нежностью щипали носочками своими молодую травку, и с какою осанкою выступала тут старуха их мать, предводительствующая всеми ими. Казалось, что она гордилась тем, что произвела себе толь прекрасное семейство. С некаким величавым видом переступала она с ноги на ногу, обхаживая вокруг их и оберегая оных от всех зол, могущих случиться с ними. То и дело простирала она взоры свои на все стороны, но то и

дело обращала оные и на птенцов своих, толико ей любезных. Товарищ и супруг ее разделял с нею все ее труды и заботы. Он не отходил также ни на пядень от сих маленьких и прекрасных тварей и готов был всякую минуту защитить оных. Несколько времени смотрел я с особливым удовольствием на сие сонмище маленьких и нежных гусенят и любовался невинными упражнениями их. Мир и совершенное спокойствие господствовало между ими. Но вдруг переменялось явление, и вся сия тишина и спокойствие нарушилось. Где ни взялась маленькая собачонка и потревожила оных. Гонявши без памяти по саду за попавшею на глаза ей бабочкою и отставши от меня на несколько минут, не успела завидеть гусенят моих, как пустилась прямо на них и летела, как стрела, к маленькому обществу. Боже мой! Как вострепнулись тогда старики гуси, какое началось беганье и пиликанье у гусенят и какое шипение у старых. С великою яростью и с распростертыми крылами бросились сии навстречу собачонки, и началось такое шипенье и такое хлопанье крылами и оказывание толикой ярости против собачонки, что сия даже устрашилась и, позабыв всю свою храбрость, не знала сама, куда со страху деваться; ибо гуси, не удовольствуясь тем, что ее остановили, гнались еще сами за нею и поразить ее хотели. С великой нуждою ушла она от них и спаслась за кустья. Тогда возвратились гуси власно как торжествуя о полученной над врагом своим победе и о! какое началось у них тогда кричанье, какое гоготанье и какие разговоры с птенца-

ми своими. Истинно не можно было довольно налюбоваться сим зрелищем. Казалось, что все общество их радовалось и веселилось тем, что миновала опасность.

Словом, для меня зрелище сие было так приятно, что я присел тут на несколько минут на дерновой лавочке, чтоб можно мне далее оным повеселиться, и вдался в разные размышления о сих животных. «Коль много должны мы натурою, – говорил я сам себе в мыслях, – что снабдила она нас такими смиренными и послушливыми пернатыми тварями. Состоят они почти совершенно в повиновении нашем и делают все, что нам надобно. Натура снабдила их хотя такими ж крыльями, как и прочих птиц, подарила хотя такими ж способностями, как оных, однако они власно как позабывают свою природу и все естественные свои способности и живут безотлучно с нами. Они не отлучаются никуда от нас и не отлетают никуда далеко, но где ни ходят и где ни плавают и где ни гуляют, но возвращаются в наши дома, дают себя запирать, дают себя сажать в неволю и всякий раз, когда нах ни похочется, себя убивать и употреблять в снедь для пропитания ль бы то было или для единого услаждения вкуса. Бесспорно, предают они себя на заколение и не только нас питают теплом своим во все времена года, но производят нам еще многоразличную пользу и после своей смерти. Коль многоразличную выгоду производит нам их мягкий пух и самые перья. Крылья их служат нам для обметания пыли и прочего, крупные перья для писания и изображения наших мыслей

на бумаге, а мелкие для набивания наших перин и постелей. Что ж касается до нежного их и мягкого пуха, то коль много нежит и покоит он затрудненные члены и согревает их во время стужи и холода. Чем бы стали мы набивать наши подушки и пуховики, чем бы умягчать наши креслы и софы, если б мы сего пуха не имели и не одолжены были тем гусям нашим. Ах! поистине они весьма нужное для нас творение и нам за них весьма много благодарить должно натуру».

После того пришло мне на мысль то особенное обстоятельство, что у сего рода птиц любовь к детям их приметна не только в одних матерях их, трудившихся толь много при высиживании оных, но и в самых гусаках-товарищах оных. Я не мог премировать, чтоб потом несколько не подумать и не подивиться и в сем случае распоряжению натуры. Старание гусаков о маленьких гусенятках ничем почти не меньше было матерей их. С толиким же усердием оберегали и защищали они их от напастей, как и те, и с толикою ж бескучливостью ходили они с утра до вечера при птенцах своих и с толикою ж охотою казались позабывать все забавы, коими пользовались прочие их товарищи, живущие на свободе и не занятые попечениями о детях своих. Что иное изъясняет сие, как не некоторую черту супружеской любви между гусынями и гусаками, и черту такую, которая в состоянии пристыдить иногда супругов и между разумными созданиями.

В сих и подобных сему размышлениях препроводил я несколько минут, сидючи на своей дерновой лавочке и под

слабую тенью развернувшейся черемушки. Парочка прекрасных бабочек, перелетывающих с одной травки на другую и играющих между собою по пространному лужку, сотовариществовали мне только в сем приятном уединении. Не упустил я, смотри и на сих испещренных тварей, заняться несколько минут размышлениями об них. Пестрота и чудное устройство их крылушек, особый род летания сих животных и весь образ жизни их подали мне повод ко многим мыслям, не менее меня увеселявшим, как прочие.

Наконец нужды упомянули мне, что уже время было возвратиться в дом. С нехотением и с сожалением расстался я с любезною своею рощицею и со всем тем, что находил в ней для себя утешительного и забавного, и исправив надобность, спешил взять перо и сообщить тебе, любезный друг, все, что я в сей день видел и чувствовал и как теперь пересказал уже все, то окончу, сказав, что я не престал еще тем быть, чем всегда ты меня почитал, то есть тебе верным другом и прочее.

Письмо 6

Любезный друг!

Вот уже четвертый день, как сижу я взаперти и никуда не выхожу. Но не думайте, чтоб причиною тому была болезнь или важные недосуги. Ах, нет, любезный друг! Я таков же здоров, как был пре<ж>де, и не усидел бы теперь никак в четырех стенах, если б не мешало мне нечто. Сие нечто состоит в том, что погода у нас была на сих днях все дурная и непостоянная да и теперь продолжается такая ж. Натуре угодно было произвести в атмосфере нашей сию пересмену, которая для наших чувств хотя и неприятна, но я боюсь и за глупость почитаю роптать и быть ею не довольным. Я ведаю, что она имеет свою пользу и <не> ко вреду, а к лучшему нам служит. Бывшие за несколько дней до сего, дни ясные теплые и красные высушили уже так всю поверхность земли, что по дорогам от едущих путешественников пыль стояла столбами. Всем произрастениям сделалась уже приметная в росте их остановка. Самые деревья стали весьма туго разворачиваться и никак не спешили одеваться листом. Признаться надобно, что мы уже и желали, чтоб благодатный дождь посмочил всю землю, и веселились, видя некоторые предзнаменования, обещающие нам вскоре дождь и ненастье. Слух наш то и дело поражаем был карканьем ворон. Сии черные пернатые твари имеют дар предчувствовать

ненастье. Им предписано возвещать оное и некаким особливим и столь отменным криком, что тотчас всякому заприметить его можно. Удивительное поистине дело! Равно как нарочно, стараясь давать нам скорее о том знать, прилетают они к самым жилищам нашим, садятся почти перед окнами на изгородях и кровлях, кричат во все горло, и крик их никогда почти не обманывает нас. С другой стороны, маленькие собачонки, несмотря на все-тепло, находящееся в комнатах, лежали уже скорчившись дугою, прятали рыло и всем тем предвозвещали холод. Сверх того и самое время года было теперь такое, в которое всякий почти год бывают или дожди или холод. Наши черемухи хотят расцветать, а в сей пункт времени редко бывает хорошая погода, а потому благоразумные садовники редко до сего времени самые лучшие свои семена сеют, а наиболее сию стужу пережидают.

Итак, уже за несколько дней дожидались мы почти наверное дождя или холода и в ожидании своем не обманулись. Но каких и каких перемен не происходило в сии дни в атмосфере нашей? Маленькие и тонкие тучки предшествовали прочим явлениям и временно на несколько минут помрачали ясность неба. Они поднимались то в той, то в другой стороне на горизонте. Поспешными стопами перебежали они все пространство небесного свода и скрывались паки из вида. Временем испещряли они все небо разноцветными облаками, инде будучи сбока освещаемы лучами солнца, казались они белыми, как снег. Инде представлялись зрению в виде

серых полос, протянутых на знатное расстояние по небу. Инде в образе взгромощенных друг на друга гор видимы они были вдалеке. Иногда представлялись они в виде тонких чадов и дыма, а иногда казались они мрачными и темными громадами, носящимися по воздуху и обещающими испустить из себя дождь, толико всеми вожеленный, но несколько времени прошло, что мы в мнении и ожидании своем обманывались. Несколько раз было то, что мы завидовали соседственным и по сторонам живущим жителям, видя, что они уже там пользовались дождями, которых мы еще дожидались. Но наконец дошла очередь и до нас. Благодетельная натура не преминула, что<б> не смочить и наши пределы небесными своими водами. Вошедшая в одной стороне и прямо на нас летящая синяя тучка и бурный вихрь, предшествующий пред оною и подхватывающий пыль с дорог, предвозвещал уже скорое приближение дождя. Какое зрелище представилось тогда любопытному оку! Как некакой густой и темный облак или страшный, мрачный дым от пожара мчался по всей поверхности земли и, помрачая зрение, скрывал от оногo все предметы. Вся натура возмутилась и была как в некакой тревоге и трепете тогда! Какой шум и свист вихря слышен был во всей атмосфере! Какое движение произошло между всеми тварями. Здесь мчалась ворона по воздуху и неслась, как стрела, поспешая спасать себя где-нибудь в ущельи. Тамо поспешали галки скрываться в свои захолустья и убежищи. Инде бежала скотина, ходившая по улицам и евшая с покоем

траву. Она спешила на дворы и под навесы, а здесь непрерыв одна пред другой бежали поселянки и поспешали схватывать холсты свои с слища, чтоб вихрь не унес их и не перемарал будущую грязью. Тамо рвала другая без памяти рубахи свои и белье, сушившееся на заборах, и спешила унести их в жило, чтоб труды ее не пропали, употребленные на мытье оного, и оно опять не намокло. Здесь поспешал целый ряд уток, испещренных разными перьями, убираться скорее на двор. Все они шествовали друг за другом, переваливаясь с боку на бок поспешными, однако медленными шагами, и казалось, что досадовали на то, для чего натура не одарила их множайшею скоростью. Недостаток оных старались они награждать своим кряканьем, но оно им помогало мало. Тамо малюшка-сторож гнал гусынь с гусенятками, такими ж малютками, каков сам, на двор и спешил спасать их от жестокости дождя. А здесь сказал во всю прыть путешественник по дороге в своей повозке. Рука его то и дело поднималась для пробуждения коней его к скорейшему бегу, а уста запекались почти от непрерывного кричанья и понуждения лошадей. Он спешил ускакать от дождя, и стон только стоял от колес, вертящихся так скоро, что глазам почти было неприметно. Пыль столбом последовала за ним и скрывала его почти совсем от очей зрителя.

Вскоре за сим начали капать с небес и крупные капли дождя. Ах! дождь! дождь! закричали тогда все в разные голоса и спешили сообщить известие сие друг другу, хотя всякий и

сам то мог видеть. А не успел дождь порядочный пойтить, как многие начали ежеминутно твердить: «Слава богу! Слава богу! Теперь смочится и у нас засохшая земля! Теперь все ползет и пойдет в рост. Это не дождь, а золото упадет к нам с небес», – твердили все. В миг потом представилось очам нашим другое явление, толико с одной стороны великолепное, толико с другой устрашительное. Целая половина неба, помраченного темным облаком, власно как рассеклось струей наичистейшего огня, пробежавшего лучонкою с высоты на землю. Никакой блеск бриллиантов не мог сравниться с ясностью и чистотою сего небесного огня, ослепляющего даже очи. А не успело сего произойти, как в миг возгремело все небо от грома, покотившегося по поверхности туч и облаков и наполнившего страхом многие сердца смертных. Безмолвие начало господствовать между всеми. Всякий удалялся от окон, всякий стоял без движения на одном месте, всякий устремлял все внимание чувств своих на сей страшный метеор и ожидал другого раза. Оный и не преминул впоследствии вскоре, а непосредственно за оным восшумела вся атмосфера от проливного дождя, полившегося с небес на землю. Миллионы прекрупных капель полетели с толикою скоростью друг за другом в таком множестве и с таким стремлением с небес, что в единый миг потекли ручьи мутной воды по земле и понесли с собою мелкие щепы и сор со двора. От окончин стоял только стон от множества капель, ударяющихся об оные, и вода стекала по стеклам так, как бы

обливаемы они были из сосуда.

Несколько времени продолжался таковой дождь и смочил всю землю наивозделеннейшим образом. Наконец начала туча наша тончать и проходить понемногу, а вскоре потом прочистилось опять небо и просияло солнце. Боже мой! В каком приятном виде представилась тогда вся натура очам нашим! Вся она казалась обновившеюся и власно как другую одежду на себя надевшую. Те же самые земли, которые до того уже были, казались совсем новыми и несравненно в лучшем, живейшем и великолепнейшем виде, нежели прежде. Самое небо казалось несравненно чище, несравненно синее и гораздо приятнее, а беленькие облака, носящиеся по оному, так красивы, что без удовольствия на них смотреть было не можно. Что ж касается до бархата, покрывающего ближние площади, то он был так хорош и такого нежного и живого желто-зеленого колера, что ни с какою тафтою и ни с каким бархатом сравнен быть не мог. Казалось, что и твари и все животные возобновили вновь бытие свое. Повсюду проявились они паки, повсюду начались разные движения их, все они совокупно казались веселящимися о возвратившемся сиянии солнца, все спешили опять к упражнениям своим. Гордый петух проявился в единый миг на куче сора и созывал уже жен и подруг своих клевать найденные им и обмытые дождем зернушки в сору. Сии бежали к нему друг пред другом наперер[ыв] и криком своим изъясляли радость свою. Неподалеку от них шествовали опять гуси и утки и спешивали

ли выходить на улицу и площадь щипать обмывшуюся травку. Гоготанье первых и криканье других казалось уже отменным, изъясляющим также радость и веселье. Самые маленькие пташешки, которых во время тучи и следа не видать было, летали уже опять и рассекали нежными крылушками своими воздух и изъяснили радость чиликаньем своим.

Но недолго продолжалась сия радость и удовольствие их. Не успело двух часов пройти, как синелась уже другая туча, поднимающаяся вдали на горизонте. Вскоре покрыла она опять от очей весь яхонтовый свод неба. Сия была хоть не такова устрашительна, но зато продолжилась долее, а за сею последовала третья и продолжилась до самой ночи. Однако попечительной натуре не угодно было и тем еще удовольствоваться, но и в последующий день в единое только утро, да и то еще самое короткое время, наслаждались мы сиянием благодетельного солнца, а там начали бродить уже опять тучки и поспешать одна за другою. Каждая из них водами своими напояла от часу более землю. Временем продолжались они недолго и скрывали от нас только на час или на два Солнце, а временем по нескольку часов сряду помрачали они небо и мочили землю своими дождями. Иные из них проходили с миром и тихими стопами, а другие приносили паки молнии и громы с собою. Третьего дня в один день погода несколько раз переменялась, и было то ясно, то дождь, то пасмурно и ненастно, а вчера превратилась она даже в самое холодное ненастье. Земля наша напоилась уже столько

водою, что на больших дорогах проявилась грязь, а на полях и работать даже было не можно земледельцам. Самой севодняшней день веселились мы только по утру ясною погодою, а там и пошли опять тучки за тучками. Вот в самую сию минуту, как пишу я сие, слышу я опять гремящей вдалеке. Конечно, опять большая туча. Пойду и посмотрю оную...

Так! туча, и туча преужасная, и такая, что содрогнулось сердце мое при воззрении на оную. Целая половина неба посинела или паче почернела, как котел. Громады черных и страшных облаков, поднимаясь друг за другом на горизонте, валят, как некакие горы, и прямо на нас. Громы страшные раздаются всюду на поверхности оных и гремят беспрерывно. Прежде, нежели успеет окончиться один, начинает уже другой потрясать все пространство воздуха своим страшным звуком, вся тамошняя страна кажется власно, как дрожащею и стениящею от оных. Словом, туча страшная и могущая смутить и самого отважнейшего из смертных и нагнать на страх и ужас. О Натура! Колико устрашительна в сии минуты. О туча! Когда б прошла и ты у нас с миром и не причинила нам никакого бедствия. Ах!.. перо выпадает из рук!.. Страшная молния ослепляет зрение и останавливает все мысли... все чувства замирают.

* * *

Ну! слава богу, начинает опять прочищаться, но ах, лю-

безный друг! какая была у нас гроза, какой страх и [ка]кая туча. Молния за молнией, и удар за ударом и в такой близости от нас, что во всех нас трепетала душа. Все мы того и смотрели, чтоб не ударило где подле нас и не загорелось. Несколько раз были удары столь громки, что все окончины дрожали у нас в доме и не было никого, кто б не ужаснулся. Все мы, собравшись кучками, сидели в глубочайшем безмолвии и трепетали от страха и ужаса.

И подлинно, любезный друг, минуты таковые устрашительны! Самого безбожника и самого грубейшего невежду приводят они в некоторое чувство и содрогание, А разумному человеку, кажется, и долг велит при таковых случаях входить в самого себя и содрогаться. Мне кажется, что всякой человек находится тогда в наикритическом положении и во время каждой грозы на единой только шаг удален от смерти. Он находится равно как на жестоком сражении, где каждую минуту должен он бояться, чтоб не попало в него ядро или пуля, не: пресекло его дней и не преселило в единый миг в вечность. Во время всякой находящейся над нами тучи все мы без изъятия подвержены бываем величайшей опасности. Может ли кто-нибудь в свете поручиться в том другому и наверное сказать, что выходящая туча пройдет с миром и его не убьет? Ни единой смертной не может утвердить сего и взять на себя таковое поручительство. Когда же так, когда нет достоверности, то можно ли кому из благоразумных быть равнодушно и смотреть с холодною кровью на приближаю-

щуюся опасность.

Коль много есть людей, смеющихся другим, употребляющим при таких случаях некоторые малые предосторожности. Коль смешными кажутся глазам их затворяющие во время грозы и окна в домах своих, удаляющиеся от стен и окон, убегающие духоты от многолюдства, отгоняющие от себя собак и кошек, отлагающие от себя всякой металл и садящиеся на стульях посреди просторных комнат, они смеются им как малодушным и трусливым, почитают себя увышенными пред ними и кичатся нетрусливостью своею. Однако смеха сих я никогда не похваляю, а мнимой трусливости тех никак не опорочу, но охотно б извинил, если б они употребляли нечто и дальнейшее для своей предосторожности. Для меня нимало не смешно было, если б вздумали они и расстилать вошчанки на сие время под собою или сидеть на качелях из шелковых шнуров или лежать на софах, ножки отделены от полу чем-нибудь стеклянным. Я не только б не стал смеяться им, но похвалил бы еще оных за употребление в таковых опасных случаях. Сама Натура открыла нам их в новейшие времена. Вопреки тому я смеяться б стал самим осмехающих их за сие или паче жалеть об них как о неведающих из единого невежества того, что сами они делают. Когда же им неотменно смеяться хочется, то стал бы советовать смеяться лучше тем, кои разными деяниями и без того великую опасность без нужды еще увеличивать стараются, осмехать прижимающихся в уголок или к стенке и только что крестящих-

ся, лежащих в постели и укутывающих себя подушками и одеялами, раскрывающих у себя окна и сидящих подле оных или скачущих во всю конскую прыть в случаях, когда гроза застигает на дороге и так далее, все таковые в самом деле осмеяния достойны и поступки их неизвинительны.

Но оставим, любезный друг, всех таких осмехателей, дадим волю дурачиться им, сколько хотят, а сами обратимся лучше к другим предметам.

Тучи и ненастья, мешающие нам выходить со двора и наслаждаться надворными увеселениями, могут подавать нам поводы к многоразличным увеселениям внутренним и домашним. Кто мешает нам в таковые времена, сидючи в комнатах своих, увеселяться природою? Когда за холодом и мокротою не можно нам вон выходить и, гуляя по садам и полям, увеселяться ее наружными красотами, то не можем ли мысленно увеселяться устройением оной. Когда недостает предметов, увеселяющих зрение наше, то не отверсть ли нам во всякое время вход в храм мысленных увеселений? Кто мешает нам взять к ним свое прибежище. Кто препятствует извлекать из самых скучных погод и неприятных перемен времени все то, что в них приятное есть, и все то, что когда не чувства, так мысли наши увеселять и утешать может. Последуем в сем случае примеру любителей природы и возьмем себе их в образец. Для них нет никакого времени в году, в которые бы не находили они утешений многих. Сделаем подражание им, ибо они достойны того.

Никогда горничное тепло и спокойное сидение в комнатах мне так приятно не бывает, как во время стужи и ненастьев. Я расскажу вам, любезный, и по какой причине. Я наблюдаю в таковых случаях всегда особое правило. Вместо того чтоб жаловаться, роптать и негодовать на то, для чего холод, для чего ненастье продолжается долее, нежели как бы нам хотелось, занимаюсь я такими упражнениями, которые меня веселить могут. Я беру либо карандаш, либо кисть в руки и упражняюсь в рисовании. Я беру перо и занимаюсь либо переписыванием, либо переводом, либо сочинением чего-нибудь. Когда начнет сие прискучивать, то беру книгу и читаю что-нибудь нужное и полезное; разговариваю с мудрыми и умершими людьми, учусь у них премудрости или утешаюсь изяществом их разума и слога. Временем преселяюсь я мыслями в отдаленные века и времена; смотрю душевными очами своими на то, что за несколько сот лет до меня происходило, и смотрю с таким же любопытством, как бы то при мне делалось. Иногда отправляюсь мысленно с каким-нибудь странствователем в отдаленное путешествие либо по морю, либо по сухому пути, и при помощи его узнаю многое такое, что до того времени было мне неизвестно. Я прехожу с ним мысленно неизмеримые поля, преселяюсь в отдаленнейшие края света, обзираю неизвестные мне страны, народы, города и селения. Ландкарты и атлас вспомоществуют мне в сем случае. Когда ж захочется узнать короче какой-либо знаменитой город, которой мне в натуре ви-

деть не случилось и о котором иногда в чтении упражняюсь, то беру прощпективической ящик, отыскиваю прощпекты, изображающие тех городов, знаменитейшие улицы, площади, здания и места и, смотря на них в стекло, переселяюсь мыслями в самые оные и смотрю как на натуральные. Когда же все сие прискучит, то беру микроскоп свой, обкладываюсь множеством набранных всяких мелочей, рассматриваю оные, удивляюсь премудрому и непостижимому устройению самых мельчайших вещей в натуре и утешаюсь тем, занимаюсь их сколько времени. Когда же прискучит, то упражняюсь в чем-нибудь ином любопытном или беру какой музыкальный инструмент в руки, играю на нем, сколько умею, и в сих и других подобных сему упражнениях и не вижу, как проходит время.

Когда нет охоты и невозможно во всех сих делах упражняться, то, усевшись где-нибудь в теплой и спокойной уголок, углубляюсь я в размышления о том, что тогда во всей натуре происходит. Я мыслю и мыслю в особенности о тех пользах, какие производят собою дожди, громы и ненастья. Я простираю мысленной взор свой в сокровенные деяния естества, дивлюсь мудрому устройению и непостижимому распоряжению всего, а особливо стихиев на свете, исчисляю все те действия, какие, например, теперь самая упадающая с небес вода в недрах земли, в произрастениях, в самых деревьях производит, и, усматривая везде бесчисленные пользы, простирающиеся даже до самих нас, утешаюсь помышлениями о

ТОМ.

Наконец, обращаю я мысли свои на всех находящихся в таковое дурное время в путешествиях и в дорогах. Я воображаю себе и воображаю, колико можно живее все чувствуемые ими трудности и отягощения, всю претерпеваемую ими стужу и нужду в дороге, все те беспокойствия, каким подвержены бывают путешествующие, а особливо не имеющие повозок покойных или довольной защиты от дождя. Воображаю себе шествующих пешком и едва выдирающих ноги свои из грязи. Я исчисляю все беспокойства их и воображаю себе все возможные случаи, как, например, иные от дождя и ветра путаются и одеждою себя прикрывать стараются, как сильные дожди промачивают все их платье и даже самые рубахи, как дрожат члены их от стужи и холода, как досадуют и негодуют они на грязь и на лошадей, едва иттить могущих, и какое беспокойство они терпят, а потом сравниваю я свое спокойное сидение в тепле с состоянием оных и исчисляю все те бесконечные и многообразные выгоды, какими я в те минуты пред ними наслаждаюсь. А от самого того и происходит то следствие, что тогдашнее мое состояние делается мне в десять раз приятнейшим, и я наслаждаюсь оным гораздо более, нежели наслаждался прежде, и благодарю судьбу, что не подвержен и я таковым же беспокойствам, как толь многие иные люди.

Сим точно образом, любезный друг, увеселялся я во все сии дни, в которые у нас продолжалось ненастье, и могу ска-

зять, что мне и оное никак не наскучило. Я не видал, как протекали дни и часы, и был далеко удален от того, чтоб жаловаться на натуру и быть распоряжениями ее недовольным.

Но как письмо мое достигло уже до своих пределов, то окончу оное, сказав вам, что есмь и проч.

Письмо 7

Любезный друг!

Вот уже близко и очень близко то напряженнейшее время в году, в которое натура в наилучшем своем виде и в наиторжественнейшей одежде нашему зрению себя являет. Скорыми шагами приближается оно к нам, и мы находимся уже равно как в преддверии того храма, в котором нам наилучшие красоты природы видимы. Лес хотя и не совсем еще оделся, но в нем уже те милые тонкие тени, которые толико приятны нашим чувствам. Недостаток оных награждают они с избытком своими бальзамическими испарениями, обояние наше толико улаждающими. Зелень, которою теперь все деревья от часу более покрываются, можно почестъ как нежнейшею из всего года. А первенцы из деревьев великолепствуют уже и своим цветом. Уже другой день, как расцвели наши черемухи, и уже снегу подобная белизна цветков их видима издалека!

Ах какое приятное утро имели мы в сей день, и какой хороший и теплый день последовал за оным! Насилу-насилу дождались мы опять такова дня, в которой не было у нас ни малейшего дождя. В первой раз во всю нанешнюю весну имели мы удовольствие видеть во весь день все пространство голубого небесного свода чистым и ни единым малейшим облачком не помраченным. О как приятна нам хорошая погода

после продолжавшейся несколько дней дурной и непостоянной! Истинно одна светлость атмосферы наполняет всю душу уже таким удовольствием, которое довольно изобразить не можно.

Давича не успело ободнять и воздух несколько от солнца нагреться, как оставил все дела, спешил я иттить в свой сад, в котором за стужею и мокротою более недели уже я не был. Ах! в каком переменном виде нашел уже я тут многие предметы. Зелени повсюду уже было несравненно больше. Везде, где росла трава и были лужайки, была она уже превеликая. Натура, украшающая поверхность земли во всякую часть годового времени особыми цветочными произрастениями, избрала самое сие время для первого украшения ими своих зеленых бархатов.

Золотые таракконы! Ни в какое время в году не великолепствуют они в таком множестве, как теперь! Повсюду, куда ни обратишь свое зрение, видны они, как златые звезды, украшающие зелень травяную. Единое только обыкновение и частое виданье делают нам цветы сии маловажными, а если б натура не в таком многом количестве оные производила и мы не так часто их видели, то не меньше б ими любовались, как и лучшими иностранными цветами. Бесчисленное множество узеньких златожелтых листочков, из которых сии цветы составлены. Яркость колера их, порядочное расположение сих листочков, ровная поверхность их плоских шапочек, мягкость оной, не уступающей ни в чем бархату, загнущ-

шиеся странным и удивительным образом листки их чашки и, наконец, самые пустые, гладкие и почти прозрачные стволы их достойны нашего внимания и рассмотрения.

Махорчатая и такая ж златожелтая сурепица сотовариществует им. Сия успела уже так возвысить свою главу выше всех трав, что уже видима издалека. Целые сотни маленьких и прекрасных цветочков спешат наперерыв выдираться из своих распуколок и, распускаясь, составлять великолепные желтые махры, которые вскоре целые поля собою украшать и их великолепными делать станут. Множество из сих цветочков были уже развернувшимися, а того множайшее количество еще готовилось изъяслять красоты свои. Вид оных и сладкий бальзамический запах, испаряющий<ся> из оных, привлекал уже к себе медоносных пчел. По многим из них ползали уже сии премудрые маленькие твари и высасывали из них сладкие медовые соки и спешили доставлять их в свои обиталища для приуготовления из них меда. Цветы сии вместе с тараксаконами почти первые, из коих достают они сию сладкую влажность, толико полезную для человеческого рода, и натура власно как с особливим рассмотрением повеле-ла цветам сим цвести в сие время, дабы насекомые сии получали от них первую свою и раннюю медовую пищу.

Но сколь зрелище сие было ни приятно, но никак не могло сравниться с тем, какое представилось очам моим в то время, когда я взошел на один лужок с восточной стороны. Весь он представился мне униженным сущими бриллиантами. Бес-

численное множество маленьких водяных частиц, осевших из воздуха во время ночи на землю и на траву, соединившись в крупные капли, висели еще на листочках и власно, как настоящие бриллианты, играли разными огнями от лучей солнца. Инде горели они власно, как огнем красным и столь ярким, что оной помрачал даже зрение. В другом месте блистали они, как подлинные яхонты и изумруды. Здесь синелись они и зеленелись, а инде краснелись, и разность в огнях и игре оных была так велика, что без особенного удовольствия смотреть на то было невозможно.

Поелику зрелище сие я еще в первый раз нынешнею весною видел, то несколько минут смотрел я на оное, не спуская глаз, и не мог довольно налюбоваться. Признаться надобно, что для меня оное во всякое время приятно, и я всегда смотрю на оное с особенным удовольствием. Лучи благотворительного солнца действительно производят тут то же, что делают они в бриллиантах и в чистейших хрусталях, те же точно колера, те же разноцветные огни, те же прелестности видны и здесь, какие очаровывают наше зрение при рассмотрении на бриллианты, и, если хотеть, то ничем не меньше можно и сими любоваться, как и теми. Единая только редкость и предрассудки наши делают бриллианты драгоценными, а в самом деле суть они не что иное, как чистые и прозрачные камушки, в которых лучи солнца таким же точно образом играют, как в чистых водяных капельках.

Но koliko прекрасна была поверхность земли, украшен-

ная зеленью, толико же великолеповствовали теперь и многие деревья. Большая половина оных видна была уже в легком своем вешнем одеянии, и зелень на них повсюду была приметна. Немногие уже оставались из них голыми и себя только что одевающими. Те ж, которые из всех их поспешнее и коим натура назначила великолеповствовать ранее всех прочих, находились уже в полном своем одеянии и в наилучшей торжественнейшей одежде. На духовитую черемуху невозможно было смотреть без особенного удовольствия. Вся она не только укрыта была густою и непрозрачною зеленью, но обвешана вокруг большими своими белыми махрами, испускающими из себя толикое благовоние, что оно слышно было уже издалека. Прекрасные и белеющиеся, как снег, кисти видны были издалека и придавали деревьям сим отменную красу. Множество насекомых посещали цветы сии, и каждая мушечка по своему роду отыскивала в них то, что ей было надобно, и уносила с собою. Но трудолюбивые пчелы видны были на них изредка. Натура власно как одарила их познанием, что сей цветок для них вреден, и потому все благоразумнейшие из них от него удалялись. Березки, рябинки и кленки получали час от часу более густоты. Самые редко-лиственные ветлы производили уже маленькую тень, но лист на всех сих деревьях был еще желтоватый и нежного колорита, настоящего ж своего цвета еще не получил. Самые липки готовились уже развертываться, и поспешнейшие из них выпускали уже свои листочки. Словом, весь лес час от часу

получал более густоты и более красот, и оставался уже почти один дуб, не начинающий еще одеваться.

Между тем как все сии дикие и лесные деревья получили от часу густейшую зелень, садовые находились в ином состоянии. Зелени на них хотя было еще очень мало, но зато украшались они прекрасными своими цветочками, распукалками. Здесь стояла вишня, не имеющая хотя листьев, но унизанная вся сплошными распукалками и готовящаяся вскоре покрыть себя цветом белейшим снега, а тамо великолепствовала яблонь превеликим множеством прекрасных своих распукалок. Они краснелись еще все и составляли власно как розовые цветки, столь прекрасные, что ими довольно налюбоваться было невозможно. Немногие зеленые листки, рассеянные кой-где изредка по дереву, придавали зелению своей распукалкам еще более яркости и красы, и деревья сии уже и в теперешнем состоянии делали уже великое украшение садам.

Но ничем невозможно сравнить того удовольствия, какое может, смотря на них, иметь хозяин сада, а особливого воспитавший деревья сии сам, саживший своими руками и дождавшийся еще в первый раз толь многочисленного цвета. Вся душа его наполняется наисладчайшим удовольствием при обозрении всех сих питомцов своих. Он обегает, посматривает оные, напоминает доброту природы и будущих плодов, радуется, неведомо как, находя иные такие с цветом, которых он никак еще не ожидал. Он перещитывает все кучки

распукалок и, забывая сам себя, разговаривает с яблоньками своими так, как бы с понимающими вещания его, расхваливает и благодарит их за то, что они так прилежно спешат наградить труды его удовольствием. Он ласкается уже предварительную надежду видеть вскоре толико возделанные плоды оных и усладить ими вкус свой. От них перебегает он к другим и таким, которые уже велики и ему более известны, и, усматривая множество цвета оных, веселится так, как бы нашед какое-нибудь сокровище превеликое! Тут встречаются с зрением его некоторые из дерев сих уже расцветающие. Белизна цветков их, испещренная кровавым румянцем, привлекает его зрение к себе. «Ах, вот-вот уже и цветут яблони, – вещает он, – и как сильно! Вот опять вижу я их в убранстве великолепном и столь прекрасными, какими я их давно не видывал». Он смотрит на них и не может зрением насытиться довольно. «Поспешу, – говорит он далее, – учинить все, что можно, к спасению толь многого цвета и к уберезению его от жестокости мороза». Он идет отыскивать садовника и приказывать ему все к тому потребное. Он находит его в упражнениях многообразных и занятого столь многими и нужными работами, что ему от них оторвать его совестно. Наступило уже давно время сажать и сеять все огородные овощи и продукты. Увеличивающееся час от часу тепло понуждает его поспешить сим делом, но земля не вся еще перепажана, не вся перерыта, не вся обработана как надобно и не вся еще к посеву и к садке приготовлена.

Ожившие коренья дурных трав и ключья травяные беспокоят и озабочивают его собою. Он спешит истребить их из земли и оную очистить. Все руки помощников и работников его заняты разными упражнениями и по распоряжению его делами. Иные прерывают и умягчают землю, другие очищают ее от кореньев и трав и загребают гряды, иные, выпалывая негодную траву, не дают заглушить им нежные взошедшие уже от посеянных семян или от кореньев отпрыгнувшие огородные нужные произрастения. Сам он рассеивает разные семена и рассаживает по местам высадки дынь и арбузов, воспитанные им с великим рачением в теплице, и накрывает их, чтоб суровость воздуха их не повредила, и т. д.

Господин сада, заботящийся не менее его сам о том, чтоб все в свое время было посеяно и посажено, любителю прилежностью садовника и, побуждая его к вящему еще трудолюбию, напоминает, что и что ему еще делать и чем поспешить надобно. Примеченной им недостаток трудящихся к успеваншо производит все нужное, побуждает его отыскивать множайщих людей к вспоможению им. Он обзрывает мысленно всех рабов своих и посылает за некоторыми из самых ближних служителей своих и, чтоб уменьшить роптание их, яко не привыкших к таким делам, не жалеет собственных рук, но марает их при очищении и выпалывании чего-нибудь в саду своем. Стыд и совесть зазирает служителей его, они предлагают сами руки и услуги свои и стараются не допустить господина своего до труда и марания рук своих. Он

охотно уступает им свое дело и, воспринимая сам должность садовника, довольствуется одним указыванием им того, что им делать надобно. Он подстрекает усердие их и трудолюбие своими похвалами и получает от того ту пользу, что сии над- рываются над работой и в немногие часы и почти играючи то производят, чего бы иные в целой день не могли сделать.

Но ни которой предмет не обращает теперь к себе толико- го внимания любителя и охотника до садов, как спаржа. Уже за несколько дней до сего начала она показываться из земли и уже не один раз снабжала она столы приятною из деревьев пищу. Но приближается то время, когда успевать только над- обно будет ее вырезывать, иногда она сугубое удовольствие может производить охотникам до себя. К сему времени над- лежит ее оправить и приготовить. Течение природы приносит уже то с собою, что около сего времени появляются на гряд- ках ее кое-какие дурные травы и негодные произрастения. Господин сада уже несколько раз с неудовольствием смотрел на оные и, ведая, коликой вред могут причинить они люби- мой его спарже, не один раз собирался уже ополчиться на них и освободить спаржу свою от сих вредных соседей. Но время и другие дела не допускали его еще произвести сие нужное дело: но теперь неможно где долее терпеть и откла- дывать дела сего вдаль. Врывательная кирка по велению его рассекает всю твердую поверхность земли, а руки служеб- лей, раздробляя ее, исторгают всю траву с малейшими ее ко- решками и, умягчив всю землю, разравнивают оную и на-

верх ее насыпают вновь толстый слой наилучшей и из навоза перегнившей земли. Спаржа получает[ся] оттого власно как новую себе пищу, и труды сии с лихвою награждают потом излишнею своею длиною, равно как белизною и толстотою ростов своих, толико приятной вкусу производящих.

Зимовые цветы на рабатках и цветниках в саду привлекают также теперь в особливости внимание охотника садов. Все они давно уже вышли из земли, и многие из них произвели уже превеликие и густые кустья из себя. Любитель натуры обращает и на них любопытное свое око и не менее ими увеселяется, как и другими предметами. Здесь привлекают зрение его к себе густые кустья разноцветной аквилегии. Он не может налюбоваться красотою оных. Не в которое время в году не бывают они таковы прекрасны, как теперь, и никогда собою так много цветников не украшают, как в сие время! Круглота и густота сих кустьев, нежный презеленый колорит их листьев, узорчатое и прекрасное их устройство и, наконец, самое множество оных и регулярность, видимая во всем устройении и расположении кустьев, имеет в себе в особливости приятнее и для глаз увеселительное. Тамо попадают ему на глаза густые и великолепные кустья пион махровых. С каким удовольствием смотрит он и на сие прекрасное садовое произрастение и коих много любит также густотою и величиною и оных. Цвет прекрасных продолговатых листьев их уже бесконечно отменен от листьев аквилегии и колико сам по себе приятен, толико возвышается еще более

ясным своим лоском и гладкостью. Любитель натуры воображает себе будущее великолепие оных и веселится уже заблаговременно теми огромными и великолепными цветами, кои вскоре украшать будут сии кусты. Он ищет распукалок оных и утешается, находя их множество. Немного подалее видит он низкие, но не менее ему любезные кусты нарциссов и тюльпанов. И те и другие выросли уже нарочито велики, выпустили уже свои пучки и распукалки и кажутся ему власно как призывающими его к себе и заставляющими уже заранее веселиться множеством будущих своих цветов великолепием. С отменным удовольствием обзирает все оные и в радостном духе вещает сам себе. «Вот скоро-скоро увижу я и вас опять, мои милые и любезные цветы, скоро опять зрение мое будет утешаться великолепием и красотами вашими, а ум удивляться чудному устройству вас».

Еще любит он сими произрастениями, как новые предметы привлекают к себе его ум и очи. Неподалеку от них стоящие кусты смородины красной представляют сим последним уже самые зародыши плодов своих. Вид ягодок сих хотя еще не прелестен, но не менее утешителен, потому что они представляют собою первенцы зародившихся плодов того лета и видимые уже тогда, когда множайшие деревья и цвель еще не начинали.

Скоро потом садовая рощица – сей увеселительный домашний лесок, за изобретение которых толь много обязаны мы англичанам, – отвлекает зрение его от вышеупомянутых

предметов. Зелени в ней прибавилось уже несравненно более. Она сделалась уже привлекательнее и звала к себе любителя природы. Он удостаивает ее своим посещением и, входя в нее, находит уже много нового. Все почти деревья, составляющие оную, хотя еще не совершенно, но довольно уже оделись. Молодые ее березки были уже в наилучшем своем одеянии. Рябинки, кленки, лозки, и, наконец, самые осинки уже развернулись и уже готовились украшать леса трепещущим своим листом. Сей лист теперь еще мал, нежен, желтоват и отменную красу сим деревьям придает. – Что ж касается до черемух, то сии украшались уже своим цветом и придавали опушкам лужаек первое их украшение. Единые только липки и дубки отстали от всех прочих и обнаженностью своею портили несколько красоту картин. Но скоро – скоро и они облекутся в зеленую свою одежду и помогут произвесть ту чистоту, которая лесочкам таковым наилучшую их красоту придает.

Но хотя сей толико вожденной густоты и производимой ею тени еще нет, но сие нимало не мешает любителю природы с удовольствием гулять в лесочках таковых в сие время. Есть множество предметов, кои новизною своею его не меньше увеселить и, когда не телесное зрение его, так по крайней мере умственные взоры собою занять и утешить могут. И одни уже лозы и березы в состоянии подать ему многие поводы к размышлениям, во-первых, видит он кыточки, уже обваливающиеся, а на вторых хотя висящие, но власно как

оживотворенные и подобие некаких прекрасных желтых испещренных червяков на себя воспривавших. Он любителю не только наружными их прекрасным видом, но, устремляя на них и умственный взор, приводит себе на память все то, что ему о устройении на деревьях сих кыточек потом известно, на какой конец они устроены и всякой год натурою производятся и какие действия они в сие время производят. Он останавливается, устремляет на сих свой взор, отыскивает другие, едва зародившиеся между листьями, чудится непостижимому устройению и распоряжению природы, рассуждает об них и от удивления восклицает «О глубина премудрости! О чудные дела природы! Может ли кто прямо постигнуть оные. Какое око смертных в состоянии проникнуть во все то, что теперь с обеими сими кыточками при моих глазах происходит! Здесь вижу я одни висящие и, по-видимому, ничего не делающие. Единое только то мне приметно, что они растрескались, раздались, и некая тонкая желтая пыль покрывает некоторые наружные части оных. А тамо вижу другие, совсем от них удаленные маленькие зеленые и, по-видимому, едва только зародившиеся и по нежности своей молодыми листками берез власно как от суровости воздуха укрытыми. Казалось бы, что между обоими ими не было ни малейшего сообщения, но о сколь мало знаем мы все таинства природы и сокровенные ее делопроизводства! Тако кажется только с наружного вида, тако думают только умы простых смертных, но ведающие несколько более смотрят на сие уже иными гла-

зами. Им известно, что в самое сие время происходит между обоими сими кыточками некое таинственное и некоему уму смертных непостижимое и весьма нужное сообщение. Они знают, что не втуне сии большие кыточки теперь в самое то время развертываются, расцветают и нежною пылью покрываются, когда другие едва только зародились. Им известно, что на сии новозародившиеся назначено попадать вышеупомянутой желтой пыли с первых и больших кыточек, что доставлять должны сию пыль на них ветры и насекомые, что пыль сия производит там собою неизвестные хотя нам и таинственные однако такие действия, через которые в сих вновь родившихся кыточках оплодотворяются и получают основания свое будущие семена берез, долженствующие родиться в сих кыточках и созреть чрез несколько недель после сего времени. Они ведают, что без сего не могут родиться и быть к размножению рода своего способными семена древесные и что для самого того большие кыточки прежде и еще в преследующую осень на березах натурою производятся, дабы они были уже готовы и к сему времени поспеть и цвести могли. Но кто научил их в самое сие время расцветать, когда те к принятию на себя пыли сделаются готовыми, и не чудное ли распоряжение? Не успеет только сего таинственного сообщения произойти, как первые, то есть большие с дерев как произведенное свое дело и более уже ненадобным, обвалятся, так как вижу я теперь происходящее то же с лозовыми кыточками.

В сих и подобных сему размышлениях упражнялся я, любезный друг, долгое время, гуляя в своем садовом лесочке и красотами природы веселяся; доколь навеселившись до избытка, возвратился в дом и сел писать к тебе все выше сего сказанное, как теперь уже все то окончив, скажу, что я есмь ваш и прочее».

Словарь устаревших слов

Аквилегия – цветок семейства лютиковых.

Бильон (билион) – миллион миллионов.

Будра – цветок семейства губоцветных.

Власно – точно, ровно, будто.

Вошанка – род клеенки, ткань, пропитанная воском.

Втуне – всуе, напрасно, без пользы, без надобности.

Вящий – больший, более сильный.

Горничное тепло – от горница, т. е. комнатное тепло.

Горница в крестьянской избе – светелка, комната на чердаке, чистая половина.

Гребтить – беспокоиться, заботиться.

Дабы – чтобы, для того, к тому, с тем чтобы.

Давичная – от давича – прежняя, давишняя.

Десница – правая рука.

Жило – жильё, жилище.

Зиждителява – от Зиждитель – Творец, создатель.

Инде – иной, не этот, другой.

Колико – сколько.

Кропотаночный – от кропотать – хлопотать, заботиться, суетиться.

Кулиги дерев – кучка деревьев; клин, полоса земли с деревьями.

Кыточка – киточка – сережка березы, ольхи.

Ландкарта (нем.) – географическая карта.

Лоска – лозка – прут – ствол кустового деревянистого растения (ветла, ива, верба).

Лучонка – от луч. Здесь: лучонкою – сравнение в форме сущ. тв. п. сохранилось в народно-песенной речи. См. у Кольцова: «Молоньей, коса, засверкай кругом» («Косарь», 1836).

Малюшка – малявка.

Окончины – стекла, вмазываемые в оконницу, переплет оконный.

Паки – снова, опять, еще.

Предлежать – находиться перед чем-нибудь, предстоять.

Прострут – от глаг. простирать.

Пугушка – от пугва, пуга – пупок цветка, тупой конец, выпуклость.

Пядень, пядь – четверть аршина, расстояние между большим и указательным пальцем. Аршин – длина руки от плеча – около 71 см.

Рабатка (нем.) – сад, грядка с цветами вдоль стен, дорожек.

Ранункул (лат.) – лютик.

Распукалка – цветочная почка.

Слище, стлище – место, где стелют холст для отбеливания или лен для просушки.

Сныть – многолетнее травянистое растение семейства зонтичных.

Стебло – стебель.

Стенящая – от стенать – жалобно стонать.

Струп – сухая кора, которой покрывается рана, подживая.

Сурепица – однолетнее травянистое растение рода капусты семейства крестоцветных.

Тараксакон (лат.) – одуванчик.

Толико – столько.